

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

РЕЧИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ROSA LUXEMBURG

REDEN

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

194

335,5 к.
Л—94.

Р Е Ч И

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Т. А. АКСЕЛЬРОДА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Роза Люксембург

92-3687/2

Мосполиграф—10-я типография
„Заря Коммунизма“
Чистые пруды, 8.

Мосгублит № 41710. Зак. 2430.
Тираж 5000.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	7
Наша конечная цель	21
Дело идет о политической власти	23
Время наступило	26
Русская революция	29
1848 и 1905 гг.	33
Против меньшевиков	36
Пролетариат и крестьянство	48
Политическая массовая стачка	55
Мы предоставлены только самим себе	61
Лучше всенародное восстание, чем война	70
Мировая война приближается	74
Опасности мировой политики	79
Защитительная речь	88
Революция должна быть спасена	100
Снизу вверх!	104

ВВЕДЕНИЕ

Избирательная комиссия в рейхстаг в 1907 г. Рейхстаг распущен, потому что центр и социал-демократы отклонили требования правительства об одобрении политики колониальных авантюр. Центр сделал это для того, чтобы заставить правительство понять, что он в эту «либеральную эру» не позволит себя отстранить от кормила правления; социал-демократы—как принципиальные противники колониальной политики. В избирательной борьбе вся тяжесть нападения направлена против социал-демократии с тем, чтобы оторвать от нее широкие рабочие массы и привлечь их в лагерь «глашатаев мировой политики». Открыто противостоят друг другу два борющихся фронта: здесь буржуазия, там пролетариат. На собрании избирателей в Газенгайде, в Берлине, выступает Роза Люксембург. Густо теснятся рабочие Нейкельнского района в огромной зале. На сцене за длинным столом руководители собрания. В стороне, за отдельным столом молоденький полицей-лейтенант и «голубой»¹⁾, со свирепо поднятыми усами, но все же добродушный человек, отец семейства: оба они охраняют авторитет государственной власти

¹⁾ «Голубой»—в Германии народная кличка полицейского.—Ред.

и «наблюдают за порядком». Собрание открывается. Роза Люксембург говорит. Она ходит взад и вперед по сцене, словно обращается к каждому слушателю отдельно. После нескольких сказанных ею фраз собрание находится в ее власти. Большими яркими мазками она дает картину капиталистического мира. Она показывает все тщеславие общества, в котором неприкрытое корыстолюбие, жажда денег, прибылей — единственная связь, объединяющая его, и в то же время это — кнут, который гонит всех против всех в беспощадной борьбе за существование. Она изображает нужду широких масс, их физическую и духовную нищету. Она вскрывает основы неудержимого стремления капиталистических держав к мировому рынку, их империалистическую, враждебную народу политику, показывает, как во имя нации и цивилизации уничтожаются целые народы, и из будущего угрожающе выступает голова горгоны мировой войны. В этой речи нет ничего от серой теории: все полнокровно, почерпнуто из самой жизни. Здесь сила без всякого фальшивого пафоса. Тут и яркое превосходство идей, тут летят и попадают в цель стрелы тонкой иронии.

Слушатели охвачены возбуждением и словно очарованы, лишь изредка напряженное их состояние разряжается в буре аплодисментов. И вот собрание ликует. остроотточенная стрела послана в те высоты, к которым подданный смеет приблизиться лишь с благоговением. Молодой полицей-лейтенант еще не совсем понял, против кого направлено было острое словцо. Он протягивает руку к каске, чтобы надеть ее и прервать речь словами: «Собрание закрывается!» Но ораторша уже ушла далеко вперед, и лейтенант неуверенно садится, недовольный самим собой. Это повторяется несколько

раз. И когда лейтенант, наконец, решительнее протягивает руку за каской, Роза Люксембург останавливает его и с тонкой иронией обещает ему полностью придерживаться в своей речи лишь того, что разрешено полицией. Она задевает его за живое. Она рисует теперь тупую жизнь мелкобуржуазных слоев, которые, колеблясь то в ту, то в другую сторону, неминуемо будут размолоты в великой борьбе между капиталом и трудом. Она рисует вечно обманутые иллюзии мелкой буржуазии, ее детские надежды, ее безрадостное существование. Она показывает, как узка и ограничена жизнь чиновника, как слуга государства и все его бытие опутаны сетью мертвых предписаний, как он, запряженный в колесо машины угнетения, является одновременно средством и жертвой этого угнетения. Она разъясняет известную мысль Маркса, что буржуазия превратила врача, юриста, священника, поэта и человека науки в своих поденщиков. «Так и вы, — обращается она непосредственно к полицей-лейтенанту, — представляете собою не что иное, как орудие на службе буржуазии и ее хищных приспешников, независимо от того, знаете ли вы об этом, или нет...» Ее слова столь непосредственно проникают в сердце и сознание каждого, что крайне напряженное состояние охватывает все собрание. Затем, в ответ на отчеканенную в исключительно мощной форме мысль, напряжение разряжается в буре аплодисментов. И наш усач-полицейский, наш бравый «голубой», аплодирует вместе со всеми. Когда речь коснулась его самого, его никчемной жизни, он забыл все — свою службу, свою задачу, свою дисциплину, самого себя, он сомкнулся воедино с огромной массой в зале и аплодирует вместе с нею, хлопая своими большими неуклюжими руками до тех пор... пока

взгляд его не попадет на ошеломленное, бессмысленно-недоумевающее лицо лейтенанта. Аплодирующие руки полицейского опускаются по швам, и, еще не опомнившись от возбуждения, снова становится чиновником тот, кто за пару минут до того был человеком...

* * *

В речах Розы Люксембург отражается все ее существо, величие ее силы, весь человек, проникнутый единством чувства, мысли и воли. Она пренебрегала чисто риторическими приемами, которые создают успех большинству крупных ораторов. Ее постоянная цель состояла в том, чтобы привести слушателя к познанию и от познания к действию. Она увлекала неумолимой логикой изложения, способностью наглядно, ясно и доступно даже для людей с самым посредственным умом выявлять внутреннюю сущность вещей. Одной захватывающей картины, одного удачного сравнения ей часто было достаточно для того, чтобы осветить какое-нибудь явление, которое до того было непонятно. Яркость, отвага и стремительность ее мысли захватывают слушателя, увлекают его за собою. И хотя она действует силой своего умственного превосходства и апеллирует к разуму, все же в каждом слове, сказанном ею или написанном, слышится и другая сторона ее характера. Что толкало молодую гимназистку к рабочему классу и социализму? Это было возмущение кровавой властью царизма, социальным и национальным угнетением польского народа. Это возмущение вытекало из глубокого, необыкновенно сильного сострадания ко всему угнетенному человечеству, ко всем отвергнутым, ко всем поработанным классам и народам, ко всякому страдающему существу. Это проявляется во всех ее произве-

дениях, начиная с первых статей в нелегальных листках польской социал-демократии и кончая последней статьей в «Роте Фане», которую она писала, окруженная и преследуемая своими убийцами. Это всеобъемлющее сострадание является главным аккордом, который звучит во всех ее словах и действиях. Часто он прорывается с огромной силой, как, например, в ее статье «В приюте», являющейся пламенным обвинением капиталистическому общественному строю, в тех главах ее «Политической экономии» и «Накопления капитала», в которых она рисует ограбление и истребление целых народов методами колониальной политики; но сильнее всего это чувство проявляется в ее письмах из тюрьмы. Единство со всяким страдающим творением — вот материнская почва, из которой произросло все ее существо.

Но ее бурно пульсирующее сердце всегда обуздывала и направляла мыслящая голова. Неустанное стремление к правде и познанию всецело владело Розой Люксембург. Глубоко проникающим взглядом она постоянно доискивалась корня общественных явлений, и потому ее не удовлетворяла полуправда, она пренебрегает ходячей монетой штампованной науки и дорожит лишь действительными научными ценностями. Вот почему она быстро покончила с представляющей собою ходкий товар профессорской мудростью, причем она основательно выколотила пыль из париков, и еще в раннем возрасте стала марксисткой. Как никто другой, она сумела овладеть богатейшим кладом учения Маркса и Энгельса. Но она никогда не удовлетворялась одним лишь употреблением марксовых формул, а всегда применяла метод учителя к действительной жизни, черпая из этого неиссякаемого источника новые позна-

ния. Когда она выпустила в свет в 1899 г. свое сочинение «Реформа или революция?», где она вскрыла всю пустоту и близорукость бернштейновской критики Маркса и опасность реформизма, один из ее противников заявил, что это произведение представляет собой «лишь» оживление «Коммунистического манифеста». Этот человек, сам этого не желая, выразил ей высшую похвалу. Но как «оживила» Роза Люксембург это историческое «свидетельство о рождении» революционного рабочего движения? Она охватила всю современную общественную жизнь, расплела пеструю ткань социальных отношений на тысячу составных нитей, выявила движущие силы, направляющие в наши дни историческое развитие. Это было одновременно «оживлением» старого учения и новым творчеством. Тем-то и объяснялась плодотворность научной работы Розы Люксембург, что она глубоко проникающим взглядом охватывала весь процесс общественной жизни и не давала себя обмануть поверхностными явлениями. Великая борьба классов не была для нее абстрактной схемой, а живым творческим процессом. И именно потому, что она глубоко изучила эту борьбу и условия ее, она получила возможность смотреть далеко в будущее.

Из всех общественных наук марксизм отличается тем, что он служит непосредственно действию. Роза Люксембург никогда не занималась наукой только для собственного удовлетворения, а для того, чтобы дать направление и импульс к действию. Будучи всецело проникнута марксистским пониманием того, что люди не творят свободно свою историю, но действуют в существующих общественных условиях, она столь же твердо, настойчиво и постоянно утверждала, что люди

должны творить свою собственную историю. Все ее мышление было направлено к действию.

Она любила борьбу, она искала опасности. Когда она стояла непосредственно против врага, она сильнее чувствовала радость жизни. Суровость борьбы никогда не действовала на нее угнетающе. Из всех ее писем, которые нам известны, наиболее проникнуты непринужденной веселостью как раз те, которые она писала из тюрьмы. Лишь тюремные письма за время войны составляют исключение. В них слышатся муки подвергаемого пытке человечества... Тогда она чувствовала себя глубоко раненой. Но она не падает в бессилии от боли. Возмущаясь окружающим ее позором и предательством, страданием, смертью и жестокостью, она призывает пролетариат к активному выступлению, к революции. В мировой литературе едва ли найдется политический боевой памфлет, в котором в более резкой форме клеймились бы преступления господствующих классов и их продажных слуг и беспощадно бичевались бы слабость, ничтожество и трусость угнетенных, в котором воля к действию пылала бы ярче, чем в брошюре Юниуса, в спартаковских письмах и в прокламациях, которые она посылала рабочим через тюремные решетки.

Жизнь Розы Люксембург была одним сплошным радостным днем борьбы. Она подарила ее пролетариату и его великой цели — освобождению человечества. Жизнь человека лишь тогда имела для нее ценность, «когда она подобна свече, горящей с обоих концов». Что бы она ни делала, как бы она ни расточала свои богатые способности, ей это казалось недостаточным. В «Исповеди Гуттена» С. Ф. Мейера она нашла выражение того, что сильнее всего ее волновало.

«Каюсь, что в моей борьбе я не выступил с более острым ударом и более отважным делом!

Каюсь, что были часы без битв,—каюсь, что были дни, не нанешие ран.

Каюсь,—и посыпаю пеплом главу,—что еще тверже не верил я в победу.

Каюсь — исповедуюсь с сокрушенным сердцем,— что не был я Гуттенем всегда!»

* * *

Речи, собранные здесь, могут дать лишь бледное представление об ораторском искусстве Розы Люксембург, а также о том, что она имела сказать. Мы, главным образом, почерпнули их из газетных отчетов, передававших ее речи в сокращенном виде. Стиль их принадлежит больше репортерам, нежели оратору. Мы выбрали их таким образом, чтобы дать, насколько это возможно при имеющемся материале, общий обзор деятельности Розы Люксембург в международном рабочем движении и основ ее учения.

К сожалению, не осталось ни одной речи, которая могла бы осветить влияние деятельности Розы Люксембург в польском рабочем движении. Именно этот период ее деятельности имеет огромное значение. Она вместе с Лео Иогихесом, Адольфом Варским, Юлианом Карским и другими основала марксистскую польскую социал-демократию, — партию, откуда вышел ряд выдающихся деятелей большевизма, как Дзержинский и др. Уже с начала 90-х годов она вела в Польше беспощадную борьбу против социал-патриотизма, под влияние которого подпало во время войны все рабочее движение, поскольку оно было реформистским. Кульминационным пунктом ее работы в Польше является участие в русской революции 1905 г., отзывк кото-

рой наши читатели найдут здесь в речах Розы Люксембург, призывавшей немецких рабочих помочь революции борьбой в своей собственной стране. Здесь воспроизводятся также обширные выдержки из ее речей на Лондонском съезде российской социал-демократической партии в 1907 г.¹⁾, в которых Роза Люксембург сводила счеты с меньшевизмом.

Ее роль и влияние в германской социал-демократии проявляются, прежде всего, в борьбе против реформизма и оппортунизма. Но она не ограничилась — подобно тому, как это сделал, например, Каутский по отношению к Бернштейну — критикой многих отдельных мыслей реформистского мировоззрения как противоречащих учению Маркса, а доказала, что реформизм представляет собою не что иное, как духовное воздействие буржуазии на рабочий класс, и что рабочее движение не добьется своей цели, если оно в каждом своем выступлении не будет ориентироваться на завоевание политической власти путем революции.

Эта мысль должна была сыграть руководящую и плодотворную роль и в те времена, когда социал-демократия могла бороться лишь за реформы в капиталистическом обществе и когда ее важнейшая задача состояла в собирании масс и подготовке их к неминуемым революционным битвам. Эта же мысль руководила Розой Люксембург также и в ее суждении о профсоюзах, которые, как она ясно видела, погрязли в болоте опасного оппортунизма именно потому, что в своей повседневной работе упускали из глаз цель пролетарской классовой борьбы и уже тогда стремились к классовому примирению, ставшему в настоящее время сущ-

¹⁾ На немецком языке эти речи появляются впервые.—Ред.

ностью социал-демократической политики. Эта основная тактическая мысль о неразрывной связи повседневной деятельности рабочего класса и его партии с борьбой за политическую власть привела Розу Люксембург к новым ценным выводам. Это она поведала западноевропейскому пролетариату опыт русской революции 1905 г., открыла ему сущность великой революционной массовой борьбы, наивысшим пунктом которой является восстание. Она указала на политическую массовую забастовку, как на средство борьбы, посредством которого неизбежной необходимостью должен быть разрешен спор между двумя великими классами современного общества — пролетариатом и буржуазией. И она не удовлетворилась одним только теоретическим определением предпосылок и форм его проведения в жизнь. Наоборот, она энергично пользуется всякой возможностью, чтобы толкать партию и класс вперед, создавая необходимые предпосылки для великих решительных боев. Прежде всего она использовала возможности во время борьбы за избирательное право в Пруссии в 1910 году, когда рабочий класс Германии впервые проявил свою сплоченность для революционного действия.

В то время империализм стал уже господствующим принципом в политике буржуазных держав. Роза Люксембург видела в нем последнюю фазу развития капиталистического общества, тот самый период, который неизбежно должен был привести к величайшим военным потрясениям и к революционным восстаниям пролетариата. Она стремительно обрушилась на тех, кто скрывал от рабочего класса угрожающую опасность и усыплял его пацифистскими иллюзиями. В течение последнего, предшествовавшего войне пяти-

летия она стояла во главе крайне-левого крыла социал-демократии, партии, из среды которой возникла коммунистическая, и которое поставило себе целью борьбу против милитаризма и военной опасности и подготовку рабочего класса к революции. Незабвенным останется все то, что она дала тогда пролетариату, развивая его сознание и укрепляя его волю к борьбе.

Благодаря этой работе остался хоть небольшой передовой отряд, сохранивший лучшие традиции партии во время измены германской социал-демократии и краха II Интернационала в первые же дни мировой войны. Этот отряд продолжал раздувать возмущение против войны и преступлений залитого кровью капиталистического строя и провел большие массовые битвы, подготавливая в условиях осадного положения, генеральской диктатуры и лживой проповеди гражданского мира ноябрьскую революцию. С первых же дней войны Роза Люксембург пошла против течения, против капитуляции перед классовым врагом и позорного предательства. Она создала ту когорту борцов, которая вскоре приняла славное имя «Союза Спартака», связанное с наиболее героическими боями и наиболее священными жертвами германского пролетариата. К сожалению, не сохранилось ни одной из речей Розы Люксембург за время войны. Тем не менее, за то короткое время, на которое военная диктатура оставила на свободе своего опаснейшего врага, она совершила огромную организационную работу, имевшую столь же важное значение для создания первых кадров революционного сопротивления, какие имели ее печатные труды и воззвания для подготовки массовой борьбы против войны.

Сейчас же после объявления войны, 1 августа 1914 г., распространился слух, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты. В тот момент, когда никто еще не знал, как поведут себя рабочие партии, когда еще считалось само собой разумеющимся выполнение II Интернационалом пролетарского долга и заветов Штутгарта и Базеля, мир видел в Люксембург и Либкнехте символ борьбы против войны и ее первые жертвы. Люксембург и Либкнехт стали знаменосцами восстания против войны, мыслью и делом революции. Когда под напором поднятых ими масс рухнули тюремные ворота, Роза Люксембург и Карл Либкнехт снова бросились в борьбу, чтобы довести до конца недоделанную, половинчатую революцию. Не зная отдыха, они шли во главе борцов, указывая и прокладывая путь, неутомимо разжигая в массах революционный пыл.

Как часто во время великих боев Роза Люксембург бичевала вождей, когда они трусливо избегали ответственности! Она доказала, что имела право на это. В часы опасности она никогда не знала нерешительности и колебаний. Она отгоняла всякую мысль об опасности для собственной жизни. Однажды, когда ее вывели из одиночной камеры варшавской цитадели с завязанными глазами, она была уверена, что это смертный путь, который многие уже прошли до нее. Потом, когда ее спросили, что она чувствовала в то время, она сказала:

— Мне было стыдно, так как я почувствовала, что бледнею...

Она требовала больших жертв от тех, которые следовали за нею. Она имела право на это, потому что сама была готова ко всем жертвам. Она все отдала революции: свое мышление, свои знания, каждый день

своей жизни и, наконец, самую жизнь. Когда ружейный приклад озверевшего убийцы опустился на голову Розы Люксембург, — удар, направленный теми, кто знал, что они делают, — он разбил, говоря словами Франца Меринга, гениальнейшую голову среди учеников Маркса, мыслящий мозг революции, бесстрашную волю германского пролетариата.

Так же незабвенна, как Карл Либкнехт, ее товарищ по борьбе, и как тысячи павших борцов, — Роза Люксембург останется нашим вождем. Ценные дары ее революционного творчества, которые она нам оставила, мы закрепим за собою, чтобы сделать их нашим общим достоянием и использовать их в борьбе. Ее священный для нас завет — завершить то, за что она умерла.

П. Ф.

НАША КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

Речь на Штутгартском партийтаге в 1898 г.

Речи Вольфганга Гейне и других показали, что в нашей партии один крайне важный пункт затуманен, а именно: понятие о связи между существующей нашей конечной целью и повседневной борьбой. Здесь говорят: конечная цель занимает значительное место в нашей программе, ее не следует забывать, но она не находится ни в какой непосредственной связи с нашей политической борьбой. Быть может, некоторые товарищи мыслят так: спекуляция по поводу конечной цели, в сущности, вопрос академический. Я, напротив, утверждаю, что для нас, как партии революционной и пролетарской, не существует вопроса более практического, чем вопрос о конечной цели. Подумайте сами: в чем, собственно, состоит социалистический характер нашего движения? Подлинная практическая борьба распадается на три пункта: профсоюзная борьба, борьба за социальные реформы и борьба за демократизацию капиталистического государства. Но разве эти три формы нашей борьбы составляют собой действительный социализм? Отнюдь нет! Прежде всего профдвижение. Обратитесь к Англии, где это движение не только не проникнуто социализмом, но отчасти являет-

ся помехой для достижения социализма. Социальную реформу провозглашают также и катедер-социалисты, национал-социалисты и тому подобные господа. Что же касается демократизации, то это уже нечто специфически буржуазное. Буржуазия раньше нашего выставила на своем знамени лозунг демократии.

Что же делает нас социалистической партией в нашей повседневной борьбе? Лишь связь этих трех форм практической борьбы с нашей конечной целью. Только конечная цель составляет смысл и содержание нашей социалистической борьбы и делает ее классовой борьбой. И мы вовсе не должны понимать под конечной целью то или иное — как выразился Гейне — представление о будущем государстве; конечная цель — это то, что является предпосылкой будущего общества, а именно — завоевание политической власти.

Это понимание нашей задачи находится в теснейшей связи с нашим пониманием капиталистического общества и с нашим непоколебимым убеждением в том, что капиталистическое общество запуталось в неразрешимых противоречиях, которые, в конечном счете, сделают неизбежным взрыв, крушение, при котором мы будем играть роль стряпчего. Но если мы стоим на той точке зрения, что интересы пролетариата могут быть целиком обеспечены исключительно через революцию, тогда невозможны выражения, подобные тем, какие мы слышали от Гейне, что мы можем делать уступки также и в вопросе о милитаризме...

Для нас не может быть сомнений в том, что мы должны стремиться к завоеванию политической власти. Социалистическая партия всегда должна справиться с создавшимся положением, она никогда не должна в испуге отступать перед своими собственными задачами. Поэтому наши взгляды на то, что является

нашей конечной целью, должны быть ясны и определенны. Мы ее осуществим, несмотря на бурю, вихри и непогоду.

ДЕЛО ИДЕТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Речь на Ганноверском партийтаге в 1899 г.

Слабейшей стороной теоретических взглядов Бернштейна и его последователей является теория так называемой экономической власти, которой, по их мнению, рабочий класс должен добиться еще в рамках настоящего общественного строя для того, чтобы получить возможность удачно провести политическую революцию. Со стороны Давида и прочих последователей Бернштейна мы часто слышали упрек в любви к фразе и шаблону. Как раз в вопросе о завоевании экономической власти шаблон и фраза находится, как я это докажу, на той стороне.

Маркс, как известно, показал, что в основе каждого политического классового движения лежали определенные экономические отношения. Маркс показал, что все существовавшие до сих пор исторические классы, прежде чем достичь политической власти, добивались экономического могущества. Этот шаблон Давид, Вольтман и Бернштейн рабски применяют к современному положению вещей. Это доказывает, что они не понимают ни сущности прежних битв, ни подоплеку той борьбы, которая ведется в настоящее время.

Когда говорят: «Прежние классы, а именно третье сословие, добились экономического могущества раньше, чем политического освобождения», то что это значит? Это не что иное, как констатирование того исторического факта, что все классовые столкновения, происходившие до сих пор, определялись экономиче-

скими причинами, что каждый новый стремившийся к власти класс одновременно создавал новую форму собственности, на которой он в конечном итоге основывал свое классовое могущество. Борьба ремесленника против городского дворянства в первую половину средних веков заключалась в том, что он противопоставил земельной собственности дворянства новую форму собственности, основанную на труде. Это было новое хозяйственное творчество, которое в конце концов разорвало политические оковы и перестроило по своему образу и подобию остатки потерявшей свой смысл феодальной собственности. То же самое повторилось в конце средних веков, когда третье сословие вступило в борьбу с феодализмом, когда была создана современная капиталистическая собственность, покоящаяся на эксплуатации чужого труда и приведшая в конце концов третье сословие также и к политическому господству.

И вот я спрашиваю: можно ли этот шаблон переносить на современные отношения? Нет. Как раз те, которые бредят об экономической власти пролетариата, недостаточно оценивают различие, существующее между нашей классовой борьбой и всей предыдущей борьбой классов. Отнюдь не фраза утверждение, что, в противоположность прежней классовой борьбе, пролетариат ведет свою классовую борьбу не ради утверждения своего классового господства, а во имя уничтожения всякого классового господства. Оно имеет свое обоснование в том, что пролетариат никакой новой формы собственности не создает, а созданную капиталистическим хозяйством капиталистическую собственность перестраивает таким образом, чтобы она перешла в общественное пользование. Было бы иллюзией думать, что пролетариат в состоянии

уже в рамках современного буржуазного общества добиться экономической власти. Он может завоевать лишь политическую власть, а затем упразднить капиталистическую собственность. Бернштейн обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они перенесли политическую схему Великой французской революции в наши современные условия. Но он и другие сторонники «экономической власти» применяют экономическую схему Великой французской революции к борьбе пролетариата.

Давид изложил целую теорию выдалбливания капиталистической собственности. Не знаю, ведет ли его понимание социалистической борьбы действительно к такому выдалбливанию? Я в этом сомневаюсь. Но несомненно, что такой взгляд предполагает выдалбливание наших голов... Эти товарищи, очевидно, представляют себе дело так: вся практическая политика остается такой, какой она была до сих пор, разве только что при этом уделяется больше внимания кооперации, а затем устраиваются очень удобно: наклеивают на все это этикетку «социализма»,—и социализм готов. Забывают только, что, по выражению Энгельса, на платяной щетке не появятся молочные железы от того, что ее отнесут к классу млекопитающих.

Еще одно замечание относительно так называемой теории крушения. Естественно, если мы все то, что уже теперь делаем, называем социализмом, то совершенно излишне подготавливать еще и крушение. Но товарищи, имеющие такое сумасбродное представление о социализме, пользуются теорией эволюции лишь для того, чтобы внести маленькую поправку в диалектическое понимание истории, и тогда вопрос снова очень гладко и красиво разрешается. Из теории эволюции, как ее понимают Маркс и Энгельс, они выбрасывают идею о кру-

шениях и социальных катастрофах и получают таким путем очень милое представление об эволюции вроде того, как ее понимает господин Брентано. Если мы захотим обратиться к урокам истории, то увидим, что до сих пор каждая классовая борьба происходила таким образом, что поднимающийся класс путем небольших успехов и законодательных реформ еще в недрах старого общества постепенно усиливался и рос до тех пор, пока он не оказывался достаточно сильным для того, чтобы сбросить старые путы при помощи социальной и политической катастрофы. Они были вынуждены это сделать, несмотря на то, что и в недрах старого господствующего класса они могли развить свое экономическое могущество до высших пределов. Нам это в десять раз больше необходимо. Товарищи, верящие в возможность привести общество к социализму мирным путем, без катастроф, совершенно не считаются с исторической действительностью.

Мы добиваемся полной перестройки существующего капиталистического экономического строя, которая может быть достигнута только путем захвата государственной власти, а никак не посредством социальных реформ, осуществляемых в недрах современного общества. Люди, предающиеся этой надежде, становятся на ту точку зрения, на которую могут стать лишь чевежды в отношении к прошлому и оптимисты в отношении к будущему.

ВРЕМЯ НАСТУПИЛО

Речь на Иенском партийтаге в 1905 г.

Когда слушаешь речи, раздававшиеся во время дебатов по вопросу о политической массовой стачке, приходится невольно схватиться за голову и спросить

себя: действительно ли мы живем в год славной русской революции или еще за десять лет до нее? Вы изо дня в день читаете в газетах отчеты о революции, читаете телеграммы, но у вас как будто нет глаз, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать. Здесь требуют, чтобы мы сказали, как и какими способами мы будем проводить всеобщую стачку, в какой час она будет объявлена, имеются ли наготове склады предметов питания? Массы ведь начнут голодать. Неужели вы возьмете на свою совесть пролитие крови? Все, задающие подобные вопросы, не имеют ни малейшего контакта с массой; в противном случае они не тревожились бы так насчет пролития крови масс, ибо ответственность за эту кровь падает отнюдь не на товарищей, ставящих этот вопрос. Шмидт спрашивает: почему мы ради всеобщей стачки должны сразу бросить нашу старую испытанную тактику и одним махом совершить политическое самоубийство? Но разве тов. Шмидт не видит, что наступило время, предвиденное нашими великими учителями Марксом и Энгельсом, время, когда эволюция превращается в революцию? Мы являемся свидетелями русской революции, и мы были бы ослабами, если бы ничему при этом не научились. Затем встает Гейне и спрашивает Бебеля: «Подумали ли вы о том, что в случае всеобщей стачки на сцене выступят не только наши собственные хорошо организованные силы, но и неорганизованные массы,—и сможете ли вы держать эти массы в узде?» Одни эти слова ясно обрисовывают все буржуазное мировоззрение Гейне. Это позор для социал-демократа. Бывшие до сих пор революции, в особенности революция 1848 г., показали, что при революционной ситуации приходится держать в узде не массы, а заседающих в парламенте адвокатов, дабы они не предали массы и революцию.

...Гейне вызвал перед нами кровавый красный призрак и сказал, что кровь немецкого народа дороже ему, чем — таков, по крайней мере, был смысл его слов — легкомысленному юноше Бебелю. Я оставляю в стороне личный вопрос о том, кто более призван и более способен нести ответственность: Бебель или осторожный, как это приличествует «государственному деятелю», Гейне, но из истории мы видим, что все революции покупаются кровью народа. Вся разница состоит в том, что до сих пор кровь народа лилась ради интересов господствующих классов, а теперь, когда речь идет о том, чтобы пролить свою кровь ради интересов своего собственного класса, — в этот момент выступают осторожные так называемые социал-демократы и говорят: нет, эта кровь слишком дорога нам. В данный момент дело идет не о том, чтобы объявить революцию, и даже не о том, чтобы объявить массовую стачку. И если Гейне, Шмидт и Фроме кричат нам: «Организируйте массы и просветите их!» — то мы ответим им: «Мы это и делаем, но только не по-вашему!» Мы это делаем не с целью замазывания и затушевывания противоречий, как это издавна делают все эти товарищи. Для нас на первом плане стоит не организация просвещения, а революционный дух его. Это гораздо важнее еще. Вспомните эпоху закона против социалистов! Тогда наши профсоюзы были разрушены, а они воскресли снова, как феникс из пепла! То же произойдет и в будущем, в период ожесточенных боев! Прежде всего нужно просветить массы, и в этом отношении нам вовсе не следует проявлять такую осторожность, какую проявили профсоюзные вожди в Кельне. Профсоюз не должен становиться самоцелью и тем самым — тормозом свободного развития рабочего движения. Поучитесь у русской революции. Когда массы были вовлечены в

революцию, у них не было почти никаких следов профсоюзной организации, а теперь путем борьбы они шаг за шагом укрепляют свои организации... Вопреки всем малодушным мы должны сказать себе, что заключительные слова «Коммунистического манифеста» являются для нас не только красивой фразой, предназначенной для народных собраний, но что мы самым серьезным образом относимся к нашим словам, когда мы обращаемся к массам с призывом: «Рабочим нечего терять, кроме своих цепей, но завоевать они могут целый мир!»

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Речь на народном собрании в Мангейме в сентябре 1906 г.

Товарищи!

Русская революция дала мне урок: когда говорят, что она умерла — она снова оживает. Я сегодня плохо себя чувствую, но все же явилась, чтобы сказать вам несколько слов о революции. Я сделаю это, насколько мне силы позволят. Говоривший до меня в конце своей речи называл меня мученицей и страдальцей русской революции. Я должна начать с протеста против этого. Кто наблюдает русскую революцию не издали, кто для нее сам работал, не назовет себя мучеником и страдальцем. Могу вас без всякого преувеличения заверить, что те месяцы, которые я провела в России, были самыми счастливыми в моей жизни. Я глубоко скорблю о том, что я вынуждена была покинуть Россию и вернуться в Германию.

Та картина революции, которую вы себе рисуете на основании сенсационных телеграмм буржуазных агентств, совершенно не соответствует действительности. За границей обыкновенно рисуют огромное море

крови, невероятные народные страдания без всякого просвета впереди. Такова точка зрения вырождающейся буржуазии, но не рабочего класса. Сотни лет терпел русский народ. Но страдания, переживаемые им во время революции, ничего не значат в сравнении с теми ужасными страданиями, которые он вынужден был переносить до революции, в «спокойные» годы. Сотни лет Россия жила под ярмом абсолютизма, — разве кто-нибудь спрашивал тогда, сколько тысяч человек погибли от цынги и голода? Разве кто-нибудь указывал на то, что многие тысячи пролетариев были принесены в жертву на алтарь капитализма и что даже статистики о них не позаботились? Сколько детей погибло в русских деревнях, сколько из них не прожили даже года из-за недостатка пищи? Нет, в сравнении с этим колоссальным числом жертв нынешние страдания и жертвы ничтожны.

Теперь о другой стороне медали. В то время как прежде русский народ жил без всякой надежды на освобождение от своей ужасной нищеты, он ныне знает, за что он погибает, за что страдает, за что борется. Каждый знает, что он участвует в борьбе за лучшую жизнь для своих детей и внуков, в борьбе за освобождение народа.

Русский народ в своем развитии отстал от остальных европейских народов на целые полстолетия и с наибольшим запозданием борется революционным путем за свое освобождение. История знает, что она делает, и если она заставила нас ждать, то мы получим совсем другой подарок, нежели устремившиеся вперед народы. У нас революция представляет собою совсем иное явление, нежели мартовская революция в Германии и Великая французская революция. Ныне во главе этого движения стоит не прогрессивная буржуазия; у нас

руководящую роль в этой борьбе взял на себя пролетариат. Русский пролетариат отлично знает, что невозможно ввести социализм в один день, что сейчас дело может закончиться лишь учреждением буржуазного правового государства. Мы не были бы, однако, достойны звания социал-демократов, не были бы достойны быть учениками Маркса и Энгельса, если бы мы придерживались только формальной стороны и не могли отличить, что под одной и той же формой может таиться совершенно различное социальное и историческое содержание. Именно потому, что наше правовое государство формируется мозолистой рукой рабочего, оно сохранит прочные следы воздействия пролетариата, которые послужат в большей мере на пользу последнему, чем буржуазии. Русский пролетариат борется, в первую очередь, за буржуазную свободу, за всеобщее избирательное право, за республику, за свободу союзов, за свободу печати и т. д. Но в своей борьбе он уж не охвачен иллюзиями, которыми был преисполнен пролетариат в 1848 г., — он борется за все эти свободы только для того, чтобы получить в свои руки новое оружие против буржуазии. Кому знакомо положение вещей в России, тот получает впечатление, что русский либерализм превратился уже в карлика, а пролетариат все более и более растет наподобие лавины. Из этого же следует с очевидностью, что Россия как правовое государство будет представлять собой нечто иное, чем нынешняя Германия. Совершенно неправильным является подход к русской революции с точки зрения одного лишь правового порядка и нетерпеливое ожидание возникновения парламента. Мы стоим сейчас перед вопросом о захвате власти революционным пролетариатом. Либерализм уже сыграл свою роль, — это показала нам Дума.

Задача пролетариата нелегка. Сейчас происходит борьба на жизнь и на смерть между проснувшимся народом и самодержавием... Борьба, которая нам еще предстоит впереди, это — самая тяжелая фаза всей революции. Вы не должны представлять себе всеобщую забастовку в виде простого повторения того, что уже было; революционное движение непрерывно развивалось и поднимало пролетариат все выше и выше. Именно это правильное развитие сделало пролетариат внутренне зрелым и сознательным и привело нас к нынешнему моменту революции. Российский пролетариат осознал, что для того, чтобы свергнуть самодержавие, недостаточно провести всеобщую забастовку, но что раньше или позже придется решить вопрос о народном восстании против носителей самодержавного режима и довести революцию до конца. Весь ход революции показывает, насколько она отличается от всех прежних революций. Те революции представляли собой кратковременные уличные бои, продолжавшиеся несколько часов или дней. Теперь, когда судьба находится в руках народных масс, революция является долгим тяжелым процессом. Лишь посредством длинной цепи всеобщих забастовок могла сомкнуться огромная армия борцов для нанесения последнего решительного удара.

Кто охватил весь ход революции в его внутреннем развитии, тот не будет предаваться пессимизму. Удивляются героизму русского пролетариата. Я не только не хочу оспаривать справедливость этого положения, но хотела бы указать, что слишком много поражаются героизму отдельных личностей, выдвинувшихся на авансцену борьбы, и слишком уж мало героизму массы, приносящей огромные жертвы. Но гораздо важнее уяснить себе на примере русских событий тот факт, что развертывание революционной силы зависит не только

от количества организованных социал-демократов. Лишь в час борьбы обнаруживается, какой огромный идеализм таится в народных массах. Русские события показывают, что, учитывая общую ситуацию, мы и в Германии должны готовиться к битвам, в которых решающую роль сыграют массы.

Русский пролетариат должен служить нам образцом не только своим отношением к парламентаризму, но также и своей смелой и решительной постановкой политических задач, которые выдвигаются им в такой широкой форме, в какой этого требует данная историческая ситуация. Если мы что-нибудь приобрели благодаря русской революции, то это не пессимизм, а величайший оптимизм. Мы можем смело глядеть в глаза будущему и с удесятеренною силою воскликнуть: «Не смотря ни на что, мы все же останемся победителями!»

1848 и 1905 гг.

Из приветственной речи на Лондонском съезде Российской социал-демократической партии в 1907 г.

Российской социал-демократии первой выпала на долю трудная и почетная задача — применить основы марксова учения не в обычной обстановке парламентской государственной жизни, а в бурный революционный период. Правда, первый исторический документ научного социализма, «Коммунистический манифест», появился еще до германской революции 1848 г., правда, уже Карл Маркс выступил в этой революции как практический борец. Но насколько иными были тогда отношения! Немецкий рабочий класс находился тогда лишь на заре своего классового самосознания. Маркс был вынужден в своей «Новой рейнской газете» высту-

пать не как представитель пролетарской политики, а как представитель самой крайней левой буржуазной демократии. В качестве такового он поддерживал поднимавшуюся буржуазию; но в чем выражалась эта поддержка? В беспощадной критике и неустанном бичевании предательства либерализма. Политика Маркса состояла тогда в том, что он во всякой ситуации толкал либерализм к самым крайним революционным выводам. Маркс считал непростительной ошибкой тот факт, что народ не сумел использовать одержанную им 18 марта победу и допустил образование министерства Кампгаузена — Ганземана. Но после того как буржуазия захватила власть, Маркс требовал от нее с первого же момента, чтобы она осуществила революционную диктатуру. Он категорически заявил в «Новой рейнской газете»: «Каждое временное государственное образование после революции требует энергичной диктатуры». Маркс слишком хорошо понимал все бессилие немецкой «думы» — франкфуртского национального собрания, — но он усматривал в этом не смягчающее обстоятельство для последнего, а наоборот, указывал ему на единственный выход из этого бессильного положения, и выход этот был следующий: завоевать действительную власть в открытой борьбе против старой власти, опираясь на революционную народную массу. Маркс поддерживал буржуазию, но он делал это открыто и безоговорочно, защищая в то же время каждое революционное выступление пролетариата — выступление 18 марта, 19 июня, сентябрьские восстания¹⁾, — которым буржуазные левые, с Робертом Блюмом во главе, отчаянно сопротивлялись, октябрьские

¹⁾ 18 марта — восстание в Берлине, 19 июня — нападение на цейхгауз, в сентябре — попытка к восстанию в Бадене, небольшие восстания во Франкфурте на Майне.

битвы в Вене и выступление парижского пролетариата в июньские дни. И чем закончилась эта решительная революционная политика? Год спустя Маркс должен был покинуть этот пост самого крайнего буржуазного демократа ввиду его изолированности и безнадежности. Весной 1849 г. Маркс и его единомышленники вышли из состава демократического комитета и решили приступить к самостоятельной организации рабочих; они хотели также принять участие в предполагавшемся общегерманском рабочем съезде, идея которого вышла из недр пролетарской массы Восточной Пруссии. К сожалению, благодаря предательству буржуазии революция находилась в последних конвульсиях, и первой жертвой победившей реакции пала «Новая рейнская газета», раньше еще чем Маркс успел применить на деле свою новую, чисто пролетарскую тактику.

Сейчас мы в России имеем возможность начинать с того, на чем Маркс кончил в 1849 г.: с ясно выраженной самостоятельной классовой политики пролетариата. Русский пролетариат в своей нынешней борьбе должен чувствовать себя не изолированной армией, а лишь частью всемирной международной армии пролетариата. Он не должен забывать, что его нынешняя революционная борьба — это не изолированная стычка, а одно из крупных сражений в общем ходе международной классовой борьбы. И русский пролетариат окажется на высоте своей задачи лишь в том случае, если в методах его борьбы, в решительности, в ясном сознании цели, в размерах его тактики найдут выражение опыт международного развития в его целом и достигнутая степень зрелости всего капиталистического общества. Русский пролетариат своими действиями должен показать, что между 1848 г. и 1907 г. протекло больше

полустолетия капиталистического развития и что мы с точки зрения этого развития, взятого в целом, стоим не в начале буржуазного классового господства, а скорее в начале его конца. Он должен показать, что русская революция является не столько последним актом в серии буржуазных революций, сколько первой в новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард — социал-демократия — исторически предназначены сыграть руководящую роль.

ПРОТИВ МЕНЬШЕВИКОВ

Речь на Лондонском съезде РСДРП 25 мая 1907 г.

Вопрос, который здесь обсуждается, интересует меня и представителей польской делегации не с точки зрения междоусобной фракционной борьбы, а с точки зрения принципов международной пролетарской практики. Позиция правого крыла нашей партии по отношению к буржуазным партиям вполне последовательна: она опирается на определенное понимание исторической роли как буржуазии, так и пролетариата в настоящей революции. В основе этого взгляда лежит определенная схема, которую точно и ясно формулирует глубокоуважаемый ветеран и самый глубокий теоретик русской социал-демократии. В своих «Письмах о тактике и бестактности» тов. Плеханов говорит:

«Творцы «Коммунистического манифеста» писали 58 лет тому назад: «Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль... Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства и в его организации, а следовательно, и во всех общественных отношениях». И далее о политической миссии буржуазии он пишет следующую

еще: «Буржуазия ведет постоянную борьбу сначала против аристократии, потом — против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной промышленности... В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его помощи и толкать его, таким образом, на путь политических движений. Она сообщает, следовательно, пролетариату свое политическое воспитание, т. е. вручает ему орудие против самой себя»¹⁾).

Вот тот взгляд на политическую роль буржуазии, который, по мнению одного из вождей нашей партии, должен определить всю тактику российского пролетариата в нынешней революции. Буржуазия — революционный класс, вовлекающий народные массы в борьбу со старым режимом, буржуазия — естественный авангард и воспитатель пролетариата. Поэтому ныне в России только злые реакционеры или безнадёжные Дон-Кихоты могут «мешать буржуазии» завоевать политическую власть, поэтому нужно нападки на русский либерализм припрятать до того времени, когда кадеты будут у власти, поэтому не нужно вставлять палок в колеса буржуазной революции, поэтому тактика пролетариата, могущая ослабить или запугать либералов, является крупнейшей бестактностью, а всякое стремление изолировать пролетариат от либеральной буржуазии — прямой услугой, оказываемой реакции. Это, несомненно, цельная и последовательная система взглядов, но она весьма настоятельно нуждается в проверке как исторических фактов, так и с точки зрения самих основ пролетарской тактики.

Я, к сожалению, незнакома со всеми сочинениями нашего почитаемого теоретика и основоположника

¹⁾ Г. В. Плеханов. — Сочинения, том XV, стр. 134—135. Гиз, 1924 г.

русского марксизма (Плеханова), но из его сочинений я не знаю ни одного, в котором бы не внушалось русским социал-демократам, что только метафизики рассуждают по формуле: да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого; диалектическое же мышление, свойственное историческому материализму, требует, чтобы явления рассматривались не в застывшем виде, а в движении. Ссылка на то, что Маркс и Энгельс так-то и так-то характеризовали роль буржуазии 58 лет тому назад, представляет собой в применении к теперешней действительности поразительный пример метафизического мышления, превращение живого исторического взгляда творцов «Манифеста» в окаменевшую догму. Достаточно бросить взгляд на физиономию и взаимоотношения политических партий, в особенности на состояние либерализма в Германии, во Франции, в Италии, в Англии — во всей Западной Европе, чтобы понять, что буржуазия давно перестала играть ту политически революционную роль, которую она некогда играла, что она теперь повсюду повернула в сторону реакции, к политике покровительственных пошлин, что она ползает на коленях перед милитаризмом, что она во всех странах вступает в сделку с консервативными аграриями. Все это доказывает, что 58 лет, прошедшие со времени «Коммунистического манифеста», прошли не даром. Но не доказывает ли и собственная краткая история русского либерализма, как мало применима к нему схема, взятая из словесного содержания «Манифеста»? Вспомним, что представлял собою русский либерализм еще пять лет тому назад? Тогда можно было сомневаться, существует ли вообще в России се- «воспитатель пролетариата», которому мы «не должны мешать завоевать власть». До 1900 г. либерализм терпел и спокойно переносил всяческого рода угнетения

со стороны самодержавия, всякие проявления деспотизма. И вот, только после того как, воспитанный долголетней работой социал-демократии и всколыхнутый японской войной, русский пролетариат выступил на общественную арену, устраивая грандиозные забастовки на юге России, массовые демонстрации, — лишь тогда и русский либерализм решился сделать первый робкий шаг. Началась пресловутая эпопея земских съездов, профессорских петиций и адвокатских банкетов. Либерализм, упоенный собственным красноречием и свободой, которую ему неожиданно предоставили, готов был и сам поверить в свои силы. Но чем же кончилась эта эпопея? Все мы помним тот известный момент, когда в ноябре и декабре 1904 г. «либеральная весна» вдруг кончилась, и оправившееся самодержавие разом бесцеремонно зажалло рот либерализму, приказав ему попросту молчать. Мы видели все, как либерализм моментально покотился с высоты своего мнимого могущества от одного пинка, от одного удара хлыстом в пропасть бессилия и отчаяния. Либерализм не сумел ответить ровно ничем на удар казацкой нагайки. Он с'ежился, замолчал и этим доказал воочию свое полное ничтожество. И в освободительном движении России произошла тогда заметная заминка на несколько недель, пока 9 января не двинуло на улицу петербургский пролетариат и не показало, кто действительно призван в нынешней революции быть авангардом и «воспитателем». Вместо трупа буржуазного либерализма выступила живая сила.

Во второй раз русский либерализм поднял голову, когда давление народных масс вынудило самодержавие созвать I Думу. Либералы почувствовали себя опять в седле и опять поверили, что именно они, а не кто-либо другой, — вожди освободительного дви-

жения, и что адвокатскими речами можно кое-что сделать, и что они — сила. Но вот последовал разгон Думы, и либерализм вторично полетел стремглав в бездну бессилия и ничтожества. Все, чем он был в состоянии ответить на атаку реакции, было пресловутое Выборгское воззвание, этот классический документ «пассивного сопротивления», того пассивного сопротивления, о котором Маркс писал в 1848 г. в «Новой рейнской газете», что оно представляет сопротивление теленка мяснику, который хочет его зарезать.

На этот раз либерализм основательно изжил иллюзию своей силы и своей руководящей роли в нынешней революции. Он изжил именно в I Думе иллюзию, будто можно разрушить стены твердынь самодержавия иерихонскими трубами адвокатского и парламентского красноречия, а во время разгона Думы — иллюзии, будто пролетариат призван играть только роль пугала для самодержавия, пугала, которое либералы держат за кулисами, пока оно им не нужно, и которое они вызывают мановением ока на сцену, когда им нужно запугать самодержавие и укрепить свое положение. Либерализм должен был убедиться, что российский пролетариат не манекен в его руках, не желает быть пушечным мясом, всегда готовым к услугам буржуазии, что он — сила, ведущая свою собственную линию в этой революции и в своих выступлениях подчиняющаяся лишь законам и логике своего собственного, независимого от либералов движения. С тех пор либерализм пошел самым решительным образом на пятую, и теперь мы присутствуем при позорном отступлении его во II Думе, в Думе Головина и Струве, в Думе, вотирующей бюджет и рекрутский набор, вотирующей штыки, которыми завтра будет разогнана сама Дума. Вот, как выглядит буржуазия, ре-

комендуемая нам в качестве революционного класса, которому мы не должны мешать завоевать власть и который призван «воспитать» пролетариат! Оказывается, что отвердевшая схема совсем неприменима к нынешней России. Оказывается, что тот революционный, стремящийся к власти либерализм, на который пролетариату рекомендуют ориентироваться при установлении своей тактики, что этот революционный российский либерализм, в угоду которому собираются урезывать требования пролетариата, существует не в действительности, а лишь в воображении, он придуман, он есть фантом. И вот эта-то политика, построенная на безжизненной схеме и на выдуманных взаимоотношениях и не учитывающая особых задач пролетариата в этой революции, выдает себя за «революционный реализм».

Но посмотрим, как согласуется этот «реализм» с пролетарской тактикой вообще. Российскому пролетариату рекомендуют руководиться в своей боевой тактике тем, чтобы преждевременно подкапывать силы либерализма и не изолироваться от него. Но если это называется «бестактной» тактикой, то я опасаюсь, что всю деятельность и всю историю германской социал-демократии придется признать одной сплошной бестактностью, ибо, начиная с агитации Лассалья против «фортшриттлеров» (либеральная буржуазия) и кончая настоящим моментом, весь рост социал-демократии совершается за счет роста и силы либерализма, каждый шаг вперед, сделанный германским пролетариатом, подкапывает почву под ногами либерализма. То же самое явление сопровождает классовое движение пролетариата во всех странах. Бестактностью придется назвать Парижскую коммуну, смертельно запугавшую либеральную буржуазию всех стран. Не менее бестактным придется

признать выступление французского пролетариата в знаменитые июньские дни, которым он себя, как класс, окончательно «изолировал» от буржуазного общества. Еще бестактнее было в таком случае открытое выступление пролетариата во время Великой французской революции, когда он во время первого же революционного движения буржуазии своим экстремистским поведением запугал ее и бросил в объятия реакции, подготовив таким образом эпоху Директории и ликвидацию самой Великой французской революции. И, наконец, самой великой бестактностью придется уже считать несомненно рождение пролетариата как самостоятельного класса, ибо оно-то и положило начало как его «изолированной позиции» в отношении буржуазии, так и постепенному упадку буржуазного либерализма. Но не показывает ли и здесь история самого революционного развития России, насколько для пролетариата по существу дела немислимо избежать тех «бестактностей», которыми стараются запугать, говоря, что мы таким образом сделаемся добровольными пособниками делу реакции. Уже первое выступление российского пролетариата, открывшее собою формально эпоху нынешней революции, — я имею в виду 9 января 1905 г. — сразу резко изолировало пролетарскую тактику от либеральной, отрезало революционную борьбу на улицах от либеральной кампании банкетов и земских съездов, упершейся в тупик. И далее, каждый шаг, сделанный пролетариатом, каждое требование, выставленное им, содействовали изоляции его с нынешней революцией. Стачечное движение, изолировало его от либеральной буржуазии, требование 8-часового рабочего дня изолировало его от мелкой буржуазии, требование республики и учредительного собрания изолировало его от либерализма всех оттен-

ков и, наконец, конечная цель — социализм — изолирует пролетариат от всего мира. Таким образом, здесь нельзя провести границы. Если пролетариат будет руководствоваться боязнью того, как бы не изолировать себя от либерализма и не подкопать почвы под ногами последнего, то ему логически пришлось бы отказаться от всей своей борьбы, от всей пролетарской политики, от всей своей истории на Западе и, между прочим, от всей нынешней революции в России. Дело в том, что то, что принимается за особенные условия и задачи специального этапа в истории пролетариата — его позиция по отношению к либерализму в условиях борьбы со старой самодержавной властью — это в действительности условия, сопровождающие историческое развитие пролетариата от самого его рождения и до конца. Это — основные условия пролетарской борьбы, вытекающие из того простого факта, что пролетариат является на историческую сцену вместе с буржуазией, растет за ее счет и, постепенно эмансипируясь в этом процессе от влияния буржуазии, приближается к окончательной победе над нею. Менее всего возможно пролетариату изменить этой тактике в настоящее время в России. В прежних революциях классовые противоречия раскрывались только во время самих революционных столкновений. Нынешняя российская революция — это первая революция, исходящая из вполне созревших и сознанных классовых противоречий капиталистического общества, и тактика российского пролетариата не может искусственно затушевывать этот факт.

В теснейшей связи с этими основными взглядами на отношение к буржуазному либерализму находится взгляд на условия и формы классовой борьбы вообще и на значение парламентаризма в частности. Другой из почитаемых ветеранов русской социал-демократии

(Аксельрод) изложил эту сторону вопроса в классической в некотором смысле речи на Стокгольмском съезде партии. Красной нитью проходит через эту речь следующая мысль: дайте нам только добраться до правильного буржуазного строя, до какой бы то ни было конституции, с парламентом, выборами и т. д., и тогда мы уже сумеем вести классовую борьбу. как следует, тогда мы уже станем на твердую почву социал-демократической тактики, созданной долголетним опытом германской партии. Но до тех пор, пока нет парламента,—нет и самых элементарных условий для классовой борьбы. И вот этот же уважаемый теоретик русского марксизма тщательно отыскивает в нынешней российской действительности хоть малейшие «зацепки» для классовой борьбы («зацепки» — это любимое его выражение в данной речи), усматривая их в самых хотя бы карикатурных намеках на парламентаризм и конституцию. Тут поистине нужно сказать словами Гете:

Ein Kerl, der spekuliert,
Ist, wie ein Tier, auf dürrer Heide
Von einem bösen Geist im Kreis herumgeführt,
Und ringsumher liegt schöne grüne Weide.

(«Человек, занимающийся умозрительными построениями, подобен животному, которого водят все вокруг по бесплодной полянке, между тем как кругом расстилается сочное зеленое пастбище»).

Этим спекулянтам кажется, что нет почвы для классовой борьбы, между тем как виновна социал-демократия, не имеющая инициативы, силы, не умеющая обаять те возможности, те широкие перспективы, какие выдвигаются историей. В разгаре нынешней революции в России нет возможности вести классовую борьбу! Имеются лишь ничтожные «зацепки». Все политические

требования пролетариата «и даже требование республики» — отмечает оратор — не являются собственно выражением классовой борьбы, ибо они не имеют в себе ничего специфически пролетарского. Но ведь в таком случае, — обратимся к практике международного рабочего движения, — мы в Германии и до сих пор не ведем собственно классовой борьбы, ибо, как известно, вся повседневная политическая борьба германской социал-демократии ведется за удовлетворение требований так называемой программы-минимум, содержащей почти исключительно демократические лозунги, как всеобщее избирательное право, неограниченное право союзов и т. д. И мы отстаиваем эти требования против всей буржуазии. Но даже такие, наиболее пролетарские по форме требования, как рабочее законодательство, не представляют, как известно, ничего специфически социалистического, а формулируют только потребности прогрессивного капиталистического хозяйства. Таким образом, анализ, не признающий характера классовой борьбы за политическими лозунгами пролетариата в нынешней революции, является не столько образцом марксистского мышления, сколько того состояния духа, которое характеризуют обыкновенно словами: «ум за разум заходит». В самом деле, необходима очень упорная предвзятость в пользу исключительно парламентарной формы политической борьбы, чтобы не замечать в настоящий момент в России грандиозного размаха классовой борьбы, а отыскивать только, ощупью и спотыкаясь, слабые «зацепки», и чтобы не понимать, что и все политические лозунги нынешней революции, именно потому, что буржуазия от них отреклась или отрекается, являются такими же проявлениями классовой борьбы пролетариата. Менее всего следовало бы именно русской

социал-демократии недооценивать это положение. Ей достаточно взглянуть на себя же, на свою новейшую историю, чтобы понять, какое колоссальное воспитательное значение имеет в настоящий момент классовая борьба, ведущаяся еще до парламентаризма. Достаточно вспомнить, чем была русская социал-демократия до 1905 г., до 9 января, и что она представляет собою теперь. Полгода революционного и стачечного движения после января 1905 г. превратили ее из маленькой кучки революционеров, из слабой секты в огромную массовую партию, и беда социал-демократии состоит не в трудности отыскать «зацепки» для классовой борьбы, а наоборот, в трудности охватить и использовать то необъятное поле деятельности, которое ей открывает гигантская классовая борьба революции. Тот, кто в разгар этой борьбы хватается, как утопающий за соломинку, за малейшие намеки на парламентаризм, видя в них единственный залог классовой борьбы, предстоящей еще только впереди, после победы либералов, тот не понимает, что революция — это творческий период, когда общество распадается на классы. В общем та схема, к которой хотят приноровить классовую борьбу русского пролетариата, есть грубая схема, которая нигде в Западной Европе не была осуществлена, и она является только искаженным отражением полной разнообразия действительности.

Я вижу, однако, что мое время доклада истекает, и мне приходится прервать на середине изложение взглядов по вопросу об отношении к буржуазным партиям. Поэтому прибавлю еще только несколько общих замечаний (личного характера), уясняющих в общих чертах нашу позицию по отношению к совокупности спорных вопросов, возникших на этом съезде. Товарищи, защищающие взгляды, которые я только

что критиковала, любят особенно часто ссылаться на то, что именно они представляют в среде русской социал-демократии истинный марксизм, что все эти положения высказываются, и российскому пролетариату эта тактика рекомендуется во имя марксизма и марксистского духа. Польская социал-демократия с самого своего возникновения стоит на почве марксизма и как в своей программе, так и в своей тактике считает себя последовательницей основателей социализма и в особенности германской социал-демократии. Поэтому ссылки на марксизм имеют для нас несомненно особенно важную цену. Но когда мы видим подобного рода применение марксова учения; когда мы слышим эти тоскливые вздыхания по конституционно-парламентарным условиям и по победе либерализма; когда мы наблюдаем эти отчаянные поиски «зацепок» для классовой борьбы во время грандиозного размаха революции, эти метания из стороны в сторону в поисках за искусственными способами «окупиться в массу» в роде рабочих съездов¹⁾, в поисках за искусственными лозунгами «развязывания революции», когда она временно по внешнему виду затихла; когда мы видим это неумение использовать революцию и стать решительно на высоте, когда она снова закипает, — когда мы видим все это, тогда невольно хочется воскликнуть: в какую же беспомощную кашу превратили вы, товарищи, марксово учение, отличающееся, правда, гибкостью, но и остротой и смертоносностью сверкающего клинка дамаской стали! В какое хлопотливое кудахтанье курицы, отыскивающей жемчужные зерна в мусорной куче буржуазного парламен-

¹⁾ Ликвидатор Павел Борисович Аксельрод хотел распустить партийную организацию и создать вместо нее так называемые рабочие съезды.

таризма, превратили вы это учение, представляющее собою могучий взмах орлиных крыльев пролетариата! Ведь марксизм содержит в себе два существенных элемента: элемент анализа, критики и элемент деятельной воли рабочего класса как революционного фактора. И тот, кто воплощает только анализ, только критику, представляет не марксизм, а жалкую саморастлевающую пародию этого учения.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

Речь на Лондонском съезде РСДРП 27 мая 1907 г.

Собственно говоря, приходится немного удивляться тому возбужденному состоянию, в которое впали мои критики по поводу того, что я осветила, главным образом, взаимоотношения между пролетариатом и буржуазией в нынешней революции. Ведь нет никакого сомнения в том, что именно эти взаимоотношения — именно определение прежде всего позиции пролетариата по отношению к его социальному антиподу, к буржуазии — представляют гвоздь вопроса; это та главная ось пролетарской политики, около которой кристаллизуются уже его отношения к другим классам и группам мелкой буржуазии, крестьянству и пр. И если мы приходим к выводу, что буржуазия в настоящей революции не играет и не может играть роли вождя освободительного движения, что она по самой сущности своей политики контрреволюционна, когда мы сообразно с этим заявляем, что пролетариату приходится смотреть на себя уж не как на вспомогательный отряд буржуазного либерализма, а как на авангард революционного движения, который, отправляясь исключительно из своих собственных классовых задач

и интересов, определяет вместе с тем свою политику и в зависимости от других классов, когда мы говорим, что пролетариат призван не только поддерживать стремления буржуазии, но и творить самостоятельную политику, — когда мы говорим все это, то этим самым, кажется, ясно сказано, что сознательный пролетариат должен пользоваться всяким народным революционным движением, подчиняя его своему руководству и своей классовой политике. Специально насчет революционного крестьянства не могло быть ни у кого сомнения, что мы его существования не забываем и ничуть не замалчиваем вопроса о позиции пролетариата в отношении его.

Позиция правого крыла нашей партии в вопросе о крестьянстве определяется — как и в вопросе о буржуазии — известной готовой, ранее данной, схемой, под которую уже подводятся действительные взаимоотношения. «Для нас, марксистов, — говорит тов. Плеханов, — трудовой крестьянин, каким он является в современной товарно-капиталистической обстановке, представляет собою не более как одну из разновидностей мелкого независимого товаропроизводителя, а мелкие независимые товаропроизводители не без основания относятся нами к числу мелких буржуа». Отсюда следует, что крестьянин, как мелкий буржуа, является реакционным элементом общества, и что тот, кто его считает революционным, — его идеализирует, подчиняет самостоятельную политику пролетариата влиянию мелкой буржуазии.

Приведенная аргументация представляет собою опять-таки классический пример пресловутого метафизического мышления, по формуле «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Буржуазия — революционный класс; что сверх того, то от лукавого.

Крестьянство — реакционный класс; что сверх того, то от лукавого. Несомненно, данная в вышеприведенной цитате характеристика положения крестьянства в буржуазном обществе верна, поскольку речь идет о так называемых нормальных, спокойных периодах существования этого общества. Но в этих границах она грешит значительной узостью и односторонностью. Так, например, в Германии все более многочисленные слои не только сельского пролетариата, но и мелкого крестьянства примыкают к социал-демократии и этим доказывают, что говорить о крестьянстве, как об однородном и едином классе реакционных мелких буржуа, это до некоторой степени сухой и безжизненный схематизм. В той недифференцировавшейся еще массе русского крестьянства, которая приведена настоящей революцией в движение, находятся значительные слои не только наших временных политических союзников, но и наших будущих естественных товарищей. И отречься от подчинения их уже теперь своему руководству и своему влиянию было бы именно непростительным в интересах развития революции сектантством.

Но прежде всего механическое перенесение схемы, рассматривающей крестьянство как мелкобуржуазный реакционный слой, на роль того же крестьянства в революционный период является несомненно погрешностью с точки зрения исторической диалектики. Роль крестьянства и позиция пролетариата по отношению к нему определяется, точно так же как и роль буржуазии, не субъективными желаниями и стремлениями этих классов, а их объективным положением. Русская буржуазия является, вопреки устным заявлениям и печатным программам либерализма, объективно-реакционным классом, потому что ее интересы в настоящей социальной и исторической обстановке требуют воз-

можно быстрой ликвидации революционного движения посредством заключения гнилого компромисса с самодержавием. Что же касается крестьянства, то оно, несмотря на всю путанность и противоречивость своих требований, несмотря на туманный, отливающий разными цветами характер своих стремлений, является в настоящей революции объективно-революционным фактором, так как, ставя на очередь дня революции в самой резкой форме вопрос о земельном перевороте, оно выдвигает этим самым неразрешимый в рамках буржуазного общества вопрос, выходящий по своей природе за пределы этого общества. Очень может быть, что как только спадут волны революции, как только земельный вопрос найдет в конце концов то или иное решение в духе буржуазной частной собственности, значительные слои русского крестьянства объединятся в явно реакционной, мелкобуржуазной партии вроде баварского крестьянского союза. Но пока революция продолжается, пока земельный вопрос не урегулирован, последний является не только политическим подводным камнем для самодержавия, но социальным сфинксом для всей русской буржуазии, и поэтому представляет собой самостоятельный фермент революции, дающий ей, во взаимодействии с городским пролетарским движением, тот широкий размах, который свойственен стихийным народным движениям. Отсюда вытекает и та социалистически-утопическая окраска крестьянского движения в России, которая отнюдь не является плодом искусственного насаждения и демагогии со стороны социалистов-революционеров, а сопровождала все крупные крестьянские восстания буржуазного общества. Достаточно напомнить о крестьянских войнах в Германии и имя Томасса Мюнцера.

Но именно потому, что они утопичны и безысходны по своей природе, крестьянские движения совершенно неспособны сыграть самостоятельную роль. Они подчиняются во всех исторических ситуациях руководству других, более деятельных и более сознательных классов. Во Франции городская революционная буржуазия поддерживала энергично восстания крестьянства—так называемую жакерию. Если в средневековой Германии руководство крестьянскими войнами попало не в руки передовой буржуазии, а в руки реакционного фрондирующего мелкого дворянства, то это случилось потому, что немецкая буржуазия—вследствие исторической отсталости Германии—осуществляла первый фазис своей классовой эмансипации еще только в уродливой идеологической форме религиозной реформации и что по своей слабости она, вместо того чтобы приветствовать крестьянские войны, испугалась их и бросилась в объятия реакции, подобно тому как русский либерализм, запуганный пролетарским и крестьянским движением, бросается теперь в объятия реакции. Ясно, что политическое руководство хаотическим движением крестьянства и влияние на него являются ныне в России естественной исторической задачей сознательного пролетариата.

И если бы последний отказался от этой роли из боязни за чистоту своей социалистической программы, то он оказался бы опять-таки на уровне доктринерской секты, а не на высоте естественного вождя всей массы обездоленных жертв буржуазного строя, каким он является согласно теории научного социализма. Вспомним то место у Маркса, где он говорит о том, что пролетариат призван быть передовым борцом за всех обездоленных.

Но вернемся к вопросу о взаимоотношениях с буржуазией. Я не стану, конечно, отвечать серьезно на возражения и критику с бундовской стороны. Вся политическая мудрость Бунда сводится, как оказывается, к чрезвычайно простому положению: не исходя из каких бы то ни было твердых и определенных принципов, пользоваться хорошими сторонами всякой ситуации. Этой маленькой политической мудростью товарищи из Бунда желают руководиться как в своих взаимоотношениях с фракциями внутри нашей партии, так и в своей позиции по отношению к разным классам в российской революции. Во внутрипартийных отношениях, однако, эта позиция сводится собственно не к роли самостоятельного политического центра, а к политике, рассчитанной уже наперед на существование двух различных фракций. Перенесенная на широкий океан российской революции, она приводит к совсем плачевным результатам. Здесь политика, защищаемая представителями Бунда, сводится к давно известному классическому лозунгу немецких оппортунистов: к политике «von Fall zu Fall» от случая к случаю, или, если хотите, от падения к падению. Эта отчетливо выступавшая физиономия Бунда важна и интересна не столько для характеристики его самого, сколько потому, что своим союзом и поддержкой меньшевиков на этом съезде Бунд подчеркивает тенденцию политики товарищей меньшевиков.

Тов. Плеханов сделал мне упрек, что я представляю в некотором роде парящий над облаками марксизм. Тов. Плеханов, любезный даже тогда, когда это не входит в его намерения, действительно сказал мне в данном случае комплимент. Марксисту для того, чтобы ориентироваться в ходе событий, необходимо обогреть отношения, не поддаваться влиянию ежеднев-

ной и ежечасной конъюнктуры, а с известной теоретической высоты, и та вышка, с которой следует обозревать ход российской революции, это — интернациональное развитие классового буржуазного общества и достигнутая им степень зрелости. Тов. Плеханов и его друзья горько упрекали меня в том, что я рисую столь замечательные и блестящие перспективы нынешней революции, как будто российскому пролетариату предстоят одни беспредельные победы. Это совершенно неверно. Мои критики приписывают мне в данном случае совершенно чуждый мне взгляд, будто пролетариату возможно и следует развернуть во всю ширь и со всей решительностью свою боевую тактику только при том условии, что ему гарантированы наперед одни победы. Я нахожу, наоборот, что плох тот вождь и жалка та армия, которые принимают сражение только тогда, когда победа заранее в кармане. Наоборот, я не только не думаю сулить российскому пролетариату ряд несомненных побед, а скорее полагаю, что если рабочий класс, верный своему историческому долгу, будет все более широко применять свою боевую тактику и действовать все более решительно сообразно с постоянно обостряющимися противоречиями и все более расширяющимися перспективами революции, — то он может попасть в весьма сложные и полные трудностей положения. Более того, я думаю даже, что если российский рабочий класс окажется на высоте своей задачи, т. е. своими выступлениями доведет ход революционных событий до самого крайнего предела, допустимого объективным развитием общественных отношений, то его почти неминуемо ждет у этого предела большое временное поражение. Но я думаю, что российский пролетариат должен иметь мужество и решимость идти навстречу всему, что ему

готовит историческое развитие, что он должен, в случае необходимости, хотя бы ценою жертв, сыграть в этой революции по отношению к мировой армии пролетариата ту роль авангарда, раскрывающего новые противоречия, новые задачи и новые пути классовой борьбы, которую французский пролетариат сыграл в XIX столетии. Я думаю, что российский пролетариат должен вообще руководиться в своей тактике не расчетами на поражение или победу, а выводить ее исключительно из своих классовых исторических задач, помня, что поражения пролетариата, вытекающие из революционного размаха его классовой борьбы, это — только местные и временные формы проявления его мирового движения вперед, взятого в целом, что эти поражения представляют собой неизбежные исторические ступени, ведущие к окончательной победе социализма.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАССОВАЯ СТАЧКА

Речь на открытом собрании в Лейпциге 7 ноября 1905 г.

За последнее время в партийной жизни наблюдается своеобразное явление, интересное не только для партийных товарищей, но и для исследователей, а именно — внезапное признание массовой стачки как средства борьбы. Интерес этого явления заключается не в новизне самого вопроса, ибо он не представляет из себя ничего нового: наоборот, о нем спорили долгое время.

Уже на II международном конгрессе, 12 лет тому назад, этот вопрос вызвал чрезвычайно резкую борьбу мнений, а у нас в Германии рассуждали о том, нельзя ли использовать массовую стачку для завоевания всеобщего избирательного права при выборах в прусский

ландтаг. Замечательно то, что массовая стачка была внезапно включена в число средств классовой борьбы.

Еще немного времени тому назад это средство считали чем-то чуждым пролетарско-социалистической классовой борьбе, чем-то бессмысленным, не подлежащим обсуждению. Теперь же мы все чувствуем, что политическая массовая стачка представляет собою не нечто безжизненное, а часть активной классовой борьбы. Что привело к такой быстрой перемене взглядов? Русская революция! Некоторое время тому назад в России на политическую массовую стачку смотрели так же, как и мы. Конечно, все мы знали, что в России должна разразиться революция и что проводиться она будет насильственно, но ее формы и содержание были еще неизвестны. В настоящее время, после славного 22 января, золотыми буквами вписанного в историю, ясно видно, в какой форме развернется насильственная борьба за низвержение российского самодержавия. Политическая массовая стачка, примененная с таким успехом в русской революции, вызвала переворот во мнениях.

Но почему же именно у нас лозунг политической массовой стачки возбуждает такой внезапный и непосредственный интерес? Если рабочие инстинктивно ищут нового орудия классовой борьбы, то это значит, что в классовых соотношениях произошла какая-то большая перемена. За последнее время в нашей партии высказывались две противоположных точки зрения: одна, представляемая Эдуардом Бернштейном, самым ярким пропагандистом демонстративной политической массовой стачки, и другая, отстаиваемая доктором Фридбергом. Бернштейн видит в политической массовой стачке средство для завоевания политических прав и способ самозащиты в тех случаях, когда господствуют

эти классы пытаются их отнять. Противоположная точка зрения укрепилась в профсоюзах и была высказана на Кельнском конгрессе (1905 г.): всеобщая стачка, по мнению сторонников этого взгляда, представляет собой нечто весьма опасное и пагубное для рабочего движения.

Хотя оба эти взгляда кажутся взаимно исключаящими друг друга, тем не менее было бы неправильным считать, что это действительно так; и тот и другой исходят из одной и той же основы, а именно из анархического понимания, которое рассматривает вещи так, как если бы они висели в воздухе. По мнению анархистов, всеобщую стачку — это единospасающее средство анархистов — можно закончить или отклонить в любой момент, в зависимости от того, как пожелают рабочие. По их представлению, массовая стачка не есть продукт исторического развития и исторической необходимости, а средство, которое можно в любое время применить или бросить. Та же самая логика проявляется и у профсоюзов и их вождей, когда они заявляют, что вообще не желают всеобщей стачки, и считают, что они уничтожили ее принятием резолюции в десять строк. Это все равно, что сказать, что тактика, т.е. средства, применяемые к классовой борьбе, не стоят в связи ни с теорией, ни с целями и могут быть изменены и использованы по произволу. Это совершенно не историческое, чисто буржуазное понимание вещей. Наши оппортунистические товарищи проявляют такое же точно понимание, когда они говорят, что принципы следует сохранять, но не следует согласовывать с ними тактику.

Социалисты-марксисты смотрят на дело совершенно иначе. Если бы социалиста-марксиста спросили, отстаивает ли он всеобщую стачку, то в ответ от него не полу-

чили бы простое «да» или «нет», как это делают анархисты; социалист-марксист ответил бы, что сперва нужно выяснить реальные отношения и установить, диктуют ли они с исторической необходимостью применение подобного средства. Таким образом, признание этого средства орудия классовой борьбы не зависит от желания или нежелания людей: оно навязывается рабочему классу развитием объективных отношений.

Мы идем навстречу величайшему обострению социальных отношений. Мы не должны упускать из виду внешнюю политику. Русско-японская война привела к колоссальному изменению соотношения сил. Благодаря создавшейся обстановке молодая военная держава Азии выступила на первый план и играет существенную роль в ниспровержении российского самодержавия. После 1895 г., когда Япония была обманута и лишена плодов своей победы над Китаем, взаимоотношения великих держав на Дальнем Востоке стали все больше и больше обостряться. До этого момента наиболее опасным пунктом в международной политике был Босфор, после 1895 г. все взоры направлены на Азию. Это значит, что старая мировая политика и мировое хозяйство, как говорил Маркс, перешагнули границы Европы, и опасный пункт переместился на Дальний Восток.

Если Жорес обосновал свою пропаганду в пользу мира на растущем взаимопонимании народов, доказываемом якобы тридцатью годами мира в Европе, то усиливающаяся острота конфликтов между великими державами и безумный рост вооружений показывают, насколько неправильны и близоруки жоресовские взгляды и жоресовская политика. Русско-японская война является не концом военных столкновений, а началом новых. Япония после своих побед и достигнутого ею первенства на Дальнем Востоке станет объектом же-

сточайших нападков со стороны старых держав, причем, как это показывают возводимые в Киао-Чао укрепления, мы будем уже не зрителями конфликтов, а их участниками. А это снова вызывает рост вооружений на суше и на море, во внутренней политике вызывает введение новых налогов и пошлин, создает состояние хронического голода, уже и ныне существующего в некоторых областях Германии. Эти голодающие слои населения, которым приходится питаться грибами, обнаруживают всю ту огромную разницу, которая отличает образ жизни капиталистов от образа жизни людей, эксплуатируемых капиталом...

Русская революция должна привести к обострению классовой борьбы независимо от того, закончится ли она победой или нет. В случае победы революция, конечно, не сможет создать социалистический рай, но, поскольку она приведет к образованию современного буржуазного правового государства, классовая борьба возгорится с особенной силой. С этого момента политическая борьба и во всех прочих современных странах будет бурно двигаться вперед и откроет в Европе новую эру. Если мы, кроме того, примем в расчет обострение международного положения в Восточной Азии, то придется сказать, что мы идем навстречу крупным политическим боям. Борьба, ведшаяся до сих пор германской социал-демократией, была образцом для всех прочих стран. Но мы должны понять, что эта борьба приспособлена только к условиям парламентаризма. По мере обострения борьбы и применения новых средств изменяется удельный вес массы, стоящей вне парламента, и ее представителей. Когда массы сознают, что они должны завоевывать свои права на улице, то вопрос о том, полезна ли или вредна для них массовая стачка, становится совершенно праздным. Он тогда

настолько же излишен, как и дискутировавшийся ранее вопрос о том, нужно или не нужно участвовать в парламентской жизни.

Для противников политической массовой стачки характерны речи Фроме на одном гамбургском собрании, где он настойчиво предупреждал об опасности шутить с огнем в настоящий момент, когда накопилось так много горючего материала. Все вопросы насчет того, чем кормить бастующие массы и т. п., находят себе ответ в русской практике.

Опасения профсоюза, что в результате такой борьбы могут пострадать или даже разрушиться организации, также свидетельствуют о незнании этих методов борьбы, ставших исторически необходимыми. То, что в германском профессиональном движении начинают главное значение придавать форме, это уже само по себе является опасным признаком. Окаменелые чудовища английских тред-юнионов должны бы в этом отношении послужить предостерегающим примером. Разве германские профсоюзы выросли не в борьбе? Все организации, уничтоженные законом против социалистов, после отмены этого последнего вышли из борьбы с удесятеренными силами. В начале революции русские рабочие не имели почти никаких организаций, а теперь? Теперь они так вышколили массы, что массы в одно мгновение бросают работу то в том, то в другом городе. Хотя их теперешние организации и построены начерно, но ядро их хорошо. Можно было бы только пожелать, чтобы германские профсоюзы усвоили себе нечто от их духа.

Из сказанного вытекает, что мы не должны понимать вещи односторонне, механически, и что мы должны принимать в расчет не только нашу внутреннюю политику, но и события, совершающиеся за границей.

Если бы ныне внезапно было решено спасти русский деспотизм с помощью германских штыков, рабочий класс Германии не мог бы спокойно смотреть, как у русского народа отнимают плоды его борьбы; он должен был бы занять определенную позицию, а какие средства пришлось бы при этом применить, это показало бы положение.

Массовая стачка не должна безусловно применяться при завоевании избирательного права, ибо все зависит от данной ситуации.

Но рабочий класс должен ясно понимать все методы борьбы, дабы выполнить завет революционера: быть готовым — это все!

МЫ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ТОЛЬКО САМИМ СЕБЕ!

Из речи о борьбе за реформу прусского избирательного права, произнесенной во Франкфурте-на-Майне 17 апреля 1910 г.

Куда девался буржуазный либерализм, на котором в Германии, как и во всяком современном государстве, лежала миссия — позаботиться о том, чтобы в XX столетии нам здесь не пришлось иметь дело с остатками средневекового феодализма?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно только бросить взгляд на историю германского либерализма. Каждый пролетарий должен твердо запомнить, что в Пруссии мы уже однажды, именно 62 года тому назад, имели хотя и не прямое, но во всяком случае всеобщее и равное избирательное право, по крайней мере, для мужского населения. 18 марта 1848 г. мы завоевали равное избирательное право, за которое ныне нам приходится вести такую тяжелую борьбу. В это памятное 18 марта берлинский народ вышел на улицы, построил баррикады, сражался с королевскими отрядами и раз-

бил их. Утром 19 марта войска должны были отступить из Берлина. После полудня этого же дня народ подобрал своих мертвецов, принес их к дворцу короля и заставил Фридриха-Вельгельма IV—этого гордого властителя, который незадолго перед тем заявил, что он никогда не позволит просунуть между собой и своими подданными листок исписанной бумаги, именуемый конституцией, — обнажить голову перед жертвами баррикадной борьбы и смиренно положить к ногам победоносного народа листок исписанной бумаги. Уже 8 апреля эта победоносная революция внесла в национальное собрание избирательный закон, провозглашавший всеобщее и равное избирательное право для всех пруссаков, достигших 24-летнего возраста. Но, уважаемые слушатели, в этот момент германская свобода была еще действительно не чем иным, как листком исписанной бумаги. Надо было провести свободу в жизнь, укрепить и охранить ее. Германский рабочий народ в то время еще не мог этого сделать. Правда, пролетариат был готов проливать свою кровь на баррикадах за дело свободы, но он не был еще столь многочисленен, организован и сознателен, как ныне. После победы 18 марта вся власть оказалась в руках либеральной буржуазии. Министрами были назначены представители крупной рейнской промышленности, господ Кампгаузен и Ганземан. Мартовские события дали возможность германскому либерализму показать миру, насколько серьезно он решил проводить свою либеральную программу; в то время либерализм мог бы позаботиться о том, чтобы через 62 года нам в Пруссии не пришлось бороться с остатками средневекового варварства.

Что могла и должна была тогда сделать либеральная буржуазия, дабы в современной Германии не господствовали такие условия, какие мы фактически имеем?

Совершенно ясно, что она должна была сделать. Прежде всего она должна была вооружить революционный народ, а затем, опираясь на вооруженный революционный народ, реформировать домартовскую армию, вырвать ее из рук юнкерства, преобразовать домартовскую бюрократию, прогнать юнкеров со всех общественных должностей и заменить их людьми, преданными делу свободы. Если бы в 1848 г. либерализм принимал всерьез свои либеральные фразы, он прежде всего должен был бы прогнать с трона вероломного, нарушившего свое слово короля и провозгласить в Германии республику. Да, именно республику! Ибо в таком случае либеральная буржуазия смогла бы дать совершенно иное направление дальнейшему развитию Германии как в области внутренней, так и в области внешней политики. Если бы либералы, захватив в 1848 г. власть в свои руки, провозгласили в Германии республику, то это разрешило бы и вопрос о германском единстве, и нам не пришлось бы 22 года спустя на покрытых трупами полях Франции принимать германское имперское единство из обагренных кровью рук Бисмарка. Тогда злосчастный раздор между Германией и Францией не стал бы источником непрерывных вооружений в обеих странах, и Молох милитаризма, а также и связанное с ним тяжелое ярмо косвенных налогов, давящих рабочий народ, не достигли бы таких размеров, как ныне...

Несомненно, если бы германский либерализм в 1848 г. разбил на куски гнилой прусский трон и три дюжины прочих маленьких германских тронов, он дал бы совершенно иное направление дальнейшим судьбам Германии. Об этих задачах напоминали германскому либерализму изо дня в день и притом достаточно громко. Не кто иной, как наш великий учитель, творец науч-

ного социализма, Карл Маркс, на страницах «Новой рейнской газеты» пламенно убеждал либералов бороться с реакцией и предостерегал их против грозящей контрреволюции. Но в этом случае еще раз обнаружилось, что действия и поступки целых классов и партий решаются не красивыми словами, написанными в программах или произносимыми устно, а, главным образом, материальными интересами этих классов. Что представляли из себя и что представляют собою ныне германские либералы? Это — представители германских предпринимательских слоев, буржуазии, торговцев, отчасти ремесленников-хозяйчиков и затем буржуазной интеллигенции; все эти слои, являющиеся плотью от плоти и костью от кости буржуазного класса, прямо или косвенно заинтересованы в эксплуатации рабочего народа. Разве могли эти слои в 1848 г. вооружить революционный пролетариат и повести его в бой против остатков феодализма? Германская либеральная буржуазия уже тогда ненавидела рабочий класс, стремящийся к освобождению, и боялась его больше, чем реакции. К нашему несчастью, Германия несколько поздно выступила на арену мировой истории. Когда мы в Германии, в марте «безумного года», впервые отведали хмель либеральных свобод, во Франции социальные отношения уже настолько созрели, что буржуазия и пролетариат стояли друг против друга с ножами в руках; в то время как у нас либералы не осмеливались и думать о том, чтобы провозгласить республику, французские пролетарии не только завоевали республику, но и требовали «социальной республики», т. е. такой республики, в которой на долю всех людей будет достаточно хлеба и сахарного горошка. В Париже рабочие вышли на улицу с красным знаменем, на котором было написано: «Жить работая или умереть сражаясь!»

И неужели германская либеральная буржуазия могла вести германский пролетариат к решительной борьбе и доводить начатую революцию до ее последних выводов? Германская буржуазия смотрела на Францию и стучала зубами от страха, что, пожалуй, и в Германии в один прекрасный день красное знамя выйдет на прогулку по улице. Случилось то, что должно было случиться. Как только либерализм достиг власти, он сейчас же постарался за спиной народа заключить мир и установить дружбу с разбитой реакцией. И пока либеральные герои слова держали в национальном собрании длинные речи и спорили о каждом параграфе конституции, реакция тайком собирала силы и подготавлила решительный удар. 9 ноября, в тот же самый день, когда в Вене по приговору военного суда был расстрелян германский патриот Роберт Блюм, в Берлин вступил генерал Врангель со своими отрядами и разогнал национальное собрание. Это был конец революции 1848 г.; это был конец всеобщего и равного избирательного права в Пруссии. На следующий год, 30 мая 1849 г., нам было пожаловано указом трехстепенное избирательное право, самая жалкая из всех избирательных систем, существующая и до настоящего дня. Эта господствующая в Пруссии избирательная система не является, следовательно, правом, созданным законным путем и законными средствами, она — продукт грубого и неприкрытого насилия, продукт государственного переворота, принесенный нам на острие врангелевских штыков, и в то же время — продукт трусливой измены германского либерализма в час рождения германской свободы..

В нынешней борьбе за избирательное право, как и во всех важных политических вопросах, касающихся прогресса Германии, мы предоставлены только самим

себе. Но кто это «мы»? «Мы» — это миллионы пролетариев и пролетарок Пруссии и Германии. Мы представляем собою больше, чем цифру. Мы — это миллионы тех, работой которых живет общество, и как только этот простой факт прочно укрепится в сознании широчайших масс германского пролетариата, наступит момент, когда и в Пруссии станет возможным показать господствующей реакции, что мир может прекрасно обойтись без ост-эльбских юнкеров, без графов из партии центра, без тайных советников, а в крайнем случае, пожалуй, даже и без городских, но он не может просуществовать и 24 часов, если рабочие скрестят на груди руки...

Конечно, для господствующих классов остается в этом случае еще одна высшая инстанция, последнее средство реакции: грубое насилие. Мы не имеем никаких оснований думать, что если мы со своей стороны применим более резкие средства борьбы, то наши противники не ответят нам крайними мерами насилия. Слабое представление об этих средствах мы получили, когда во время нынешней кампании за избирательное право состоялись первые демонстрации и были пущены в ход полицейские сабли. Но нам были уготованы не только полицейские сабли. Относительно приготовлений, которые делались в Берлине на случай демонстрации 6 марта, буржуазная пресса принесла нам следующие точные сведения. Газета «Берлинер Тагеблатт» писала: «Как нам стало известно, 6 марта, в то воскресенье, когда в Тиргартене и Трептовском парке состоялась демонстрация в пользу реформы избирательного права, казармы первого гвардейского артиллерийского полка на улице Круппа были превращены в настоящий военный лагерь. На дворе казармы в воскресенье после обеда были выставлены орудия и фуры с амуницией;

лошади в стойлах стояли в сбруе, чтобы их в любой момент можно было запрячь. Из южной казармы в северную посылались отряды за амуницией, причем все заводы были снабжены револьверами».

Такую встречу готовили нашим демонстрациям. Нам достаточно известны внезапность и непредвиденность решений господствующего у нас зигзагообразного курса, и мы прекрасно знаем, что, может быть, опять наступит момент, когда казармы первого гвардейского артиллерийского полка превратятся в военный лагерь. Но, уважаемые слушатели, если в этих кругах рассчитывали отклонить нас хотя бы на один шаг от нашего пути, то эта надежда была совершенно ошибочна. Именно мы имеем все основания с полным спокойствием дожидаться такой встречи. В тот момент, когда в Берлине выедут из северной казармы оседланные лошади и загремят заряженные пушки, по всей Германии прогремит такое эхо, что у господствующих классов потемнеет в глазах и зашумит в ушах. В самом деле, ведь нельзя без иронии слышать о надеждах господствующего класса, полагающего, что из страха за жизнь мы откажемся от борьбы за все то, что только и делает жизнь ценной. Это общество показало нам, как мало ценят пролетарскую жизнь, когда речь не идет даже об идеалах будущего, о судьбе человечества, а только о низменных интересах капиталистической прибыли. В битве при Седане немцы, как известно, потеряли 3.022 убитых и 5.909 раненых, — число довольно немалое. А ведь на поле сражения под Седаном белели, главным образом, пролетарские кости. Но что значат эти цифры по сравнению с числом жертв, которое в Германии ежегодно приносится капиталу? Официальная статистика 1909 г. определяет число зарегистрированных несчастных случаев на германских промыш-

ленных предприятий страшной цифрой в 653 тыс. чел. Но если мы даже примем в расчет только случаи смертельных ранений за период, протекший от введения законов о страховании до конца настоящего столетия, т. е. от 1884 г. до 1900 г., то окажется, что только за эти 16 лет на боевых полях труда легло 99 тыс. трупов! И это общество ожидает, что из боязни перед жертвами мы сойдем с избранного нами пути и откажемся от борьбы за наши элементарнейшие политические права. Движений всемирно исторического характера нельзя задержать в их победоносном шествии такими неуклюжими способами. Посмотрим хотя бы на Францию, на это великое опытное поле современной революции. Сколько раз пытались там потопить в крови социализм и стремящийся вперед пролетариат! Страшная июньская бойня 1848 г. должна была заглушить требования «социальной республики», выставлявшиеся пролетариатом. Но прошло 22 года, — и знамя социализма снова победно развевалось в Парижской коммуне. Затем пришла месть за восстание коммунаров, — жестокая бойня мая 1870 г. На большом парижском кладбище Пер-Лашез десятки тысяч мертвых и умирающих были брошены в общие могилы. Большая голая, вытоптанная поляна на самом конце кладбища и голая стена, где висят несколько простых красных венков, выцветших от дождя, как бы выбеленных слезами, — вот все, что на первый взгляд, оставалось от Парижской коммуны. Опылавшая от своей победы буржуазия, — не только буржуазия Франции, но и буржуазия Германии и всего вообще мира, — торжествовала и думала, что под этим дерном она глубоко затоптала семя социализма. Но именно на этой могиле коммунаров международный пролетариат заключил братский союз, который уже не что в мире не в силах разрушить; из могилы комму-

наров 10 лет спустя снова восстал социализм, — восстал с удесяттеренными силами. А каково было положение в Германии при бисмарковском законе против социалистов? Какой вид имели в первый момент наши организации? Профсоюзы были уничтожены, партийные организации были разбиты в щепки, пресса задушена. Как торжествовали господствующие классы, издеваясь над презираемой, преследуемой, оклеветанной кучкой социал-демократов! Но прошло одиннадцать лет и одиннадцать месяцев, — и мы были уже сильнее, чем когда бы то ни было, и нагуляли себе розовые щеки, а г. Бисмарк лежал поверженным на земле.

Так будет происходить с нашими противниками и в будущем. Я говорила здесь о стремлениях социалистического пролетариата, о непреодолимом победном шествии социализма. Ибо, уважаемые слушатели, что такое для нас, в самом деле, нынешняя борьба за прусское избирательное право, как не простой этап в процессе социалистической борьбы, как не один лишь шаг вперед на нашем историческом пути к конечной цели социализма? Наша миссия, историческое призвание пролетариата заключается в том, чтобы расшатать все буржуазное государство со всеми его буржуазно-парламентскими прелестями и осуществить социализм; в том, чтобы превратить все средства производства в собственность всего общества, заменить капиталистическую анархию планомерной хозяйственной организацией и уничтожить всяческие формы эксплуатации и рабства. За равное избирательное право в Пруссии мы боремся для того, чтобы экономически и политически поднять пролетарские массы, воспитать их, сплотить их и приготовить их к тому моменту, когда рабочий класс будет достаточно сильным и просвещенным,

чтобы взять всю политическую власть в государстве в свои руки и осуществить социализм. Для этого нам нужно оружие, для этого мы куем наши мечи. Нашим мечом в этом смысле должно быть также и равное избирательное право в Пруссии. Историческая необходимость и неизбежность нашей победы в борьбе за прусское избирательное право гарантируется именно тем, что борьба эта есть только один из боев нашей социалистической классовой борьбы...

Мы должны использовать каждый случай, чтобы привести в движение широкие массы пролетариата и побудить их к действию. Большие массовые выступления вроде массовых стачек, нельзя вызывать искусственно по команде; но, к счастью, если для них имеются благоприятные условия, им нельзя и искусственно помешать. Мы должны неумолимо освещать широчайшим слоям пролетариата действительное положение вещей, пробуждать в массах сознание собственной силы, укреплять боевую энергию и полными пригоршнями сеять семена социализма. Дальнейшее мы спокойно предоставляем естественному ходу вещей, в уверенности, что история работает на нас, и что в этой борьбе, как и на всех этапах нашего шествия к социализму, мы, социал-демократы, останемся победителями несмотря ни на что.

ЛУЧШЕ ВСЕНАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ, ЧЕМ ВОЙНА

Речь на Мангеймском партийтаге в 1906 г.

Речь Легиена была классическим, типичным образцом той позиции, которую за последнее время усвоили себе некоторые профсоюзные вожди по отношению

социал-демократии и к важнейшим партийным вопросам. Сначала он в течение целого часа жесточайшим образом критиковал иенскую резолюцию, доказывал невозможность и гибельность идеи массовой стачки и предостерегал нас от ее последствий, а в конце концов пришел, разумеется, к радостному и успокоительному заключению: «Мы ведь все — одно сердце и одна душа!» Следовательно, нам вовсе нет надобности пускаться в споры, и мы можем объединиться на общей резолюции. И это единство доказывается удивительным аргументом: кельнская резолюция (Кельнский съезд профсоюзов 1905 г.), признавшая прежде даже простую дискуссию о массовой стачке вредной, объявляется тождественной с иенской резолюцией (Иенский партийтаг 1905 г.)! Когда я услышала, что Легиен поставил в порядок дня свой доклад, я сказала себе, что надо обладать немалой смелостью и нахальством, чтобы ожидать от нас согласия с заключениями докладчика. К моему немалому изумлению, я услышала, что партийный комитет с ним согласился.

Я скажу сначала несколько слов о критике, которой подвергал Легиен иенскую резолюцию. Характерна его апелляция к традиции: мы-де все выросли в убеждении, что всеобщая стачка, которую он ничтоже сумняшеся отождествляет с массовой стачкой, есть всеобщее безумие. Нечего сказать, хорошими бы мы были социал-демократами, если бы мы не умели освобождаться от идей, в которые мы верили в детском возрасте! На то мы и партия исторического развития, чтобы учиться у истории. Если бы ныне, имея перед глазами великую русскую революцию, которая на десятилетия останется для пролетариата учительницей революционного движения, мы стали бы изучать проблему массовой стачки на основании французских и итальянских событий, то

мы этим только доказали бы то, что доказал Легиен своей ссылкой на традицию, — именно, что мы ничему не умеем учиться и ничего не умеем забывать. Вы ничему не можете научиться у русской революции (Легиен: «Совершенно правильно!»). Иначе вы не осмелились бы утверждать, что массовое стачечное движение до крайности опасно для существования профсоюзов. Вам, очевидно, совершенно неизвестно, что могучее русское профессиональное движение есть дитя революции. Русский пролетариат вступил в революцию, не имея никакой организации, а в настоящее время вся страна покрыта мощными ростками организаций. Взгляд, что профсоюзы могут процветать лишь в условиях мирового развития, — это устарелый, совершенно несостоятельный взгляд англичан. Русская революция доказала, что наиболее сильные пролетарские организации рождаются и процветают на почве борьбы. Давид, исходя из своей специфической юридической точки зрения, упражнялся в критике массовой стачки. Он пугал нас пулеметами. Но он совершенно не знает, что происходит в России, он забывает, что пулеметы обслуживаются живыми людьми — солдатами, и что, когда наступает время, пулеметы не теряют своей работоспособности. При изменившихся условиях они остаются столь же смертоносными, но только направляются против господствующего режима.

Из последнего аргумента, выставленного Легиеном, явствует, что он действительно во многих отношениях остался на уровне детских понятий. Он сказал, что, приняв иенскую резолюцию, мы совершили неосмотрительный шаг: мы выдали врагам наши планы. С каких это пор великие исторические народные движения начинаются в результате тайных соглашений, заключен-

ных в запертой комнате? Тот, кто думает, что судьба всеобщей стачки зависит от того, что решит генеральная комиссия и партийный комитет, собравшись в темной комнате, обнаруживает детское понимание всеобщей стачки.

Я хотела бы еще добавить несколько слов по поводу речи Бебеля, но я не уверена, правильно ли я его поняла, ибо я сама сидела на левой стороне, а сегодня он все время говорил, обращаясь вправо. (Громкий смех). Но в его словах я заметила поразительное противоречие. Он сказал: разумеется, следует остаться при иенской резолюции. Если у нас пытаются отнять всеобщее избирательное право, то нам, конечно, придется защищаться всеми средствами, хотя бы для этого мы должны были выйти на улицу. Я обратила внимание на эти слова, которые ободрили меня и порадовали мое сердце; но в конце концов Бебель перешел к изображению того, что может и должно случиться в Германии, если мы, благодаря вмешательству Пруссии, окажемся в состоянии войны с Россией. Я не уверена, правильно ли я поняла Бебеля ¹⁾, и была бы очень благодарна, если бы в своем заключительном слове он устранил все недоразумения. Но, поскольку я могла его понять, смысл его слов сводился к тому, что в случае войны мы ничего не сможем поделать. Наши друзья во Франции были бы немало смущены, если бы речь Бебеля была истолкована в таком смысле, ибо наши смелые и мужественные французские товарищи устами Вальяна заявили: если дойдет до войны с Россией, то мы наложим на нее вето. Наши французские

¹⁾ Бебель сказал, что если германское правительство прибегнет к военным мерам для спасения царизма от русской революции, то германский пролетариат ничего не в состоянии будет сделать. В случае войны рабочий класс вообще бессиле.

друзья пустили в ход крылатое изречение: *Plutôt l'insurrection que la guerre* — лучше народное восстание, чем война. Таков мужественный язык французского пролетариата, и я надеюсь, что и германский пролетариат обретет в себе достаточно мужества, чтобы сказать: «Против нашей воли ничего не должно случиться». Бебель сказал: «Неужели вы думаете, что массовую стачку может провести партийный комитет? Нет, партийный комитет должна подтолкнуть масса». Да, если партийный комитет понимает свою роль только в этом смысле, то его должны подтолкнуть, и действительно подтолкнули, и потому я прошу вас отклонить тот проект резолюции, который за нашей спиной составил комитет после соглашения с генеральной комиссией.

МИРОВАЯ ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Речь на собрании выборщиков в Лейпциге 1 декабря 1911 г.

Предстоящие выборы в рейхстаг застают нас в такой бурной обстановке, какой еще не было со времени возникновения новой Германской империи. С тех пор как мы имеем Германскую империю и рейхстаг, у нас еще ни разу не было выборов в рейхстаг, совпадающих с моментом кровавых военных событий. Правда, в 1907 г. до нас уже доносились отдаленные отзвуки колониальной войны. Но тогда можно было по крайней мере питать иллюзию, что война эта разыгрывается далеко от Европы и потому не отражается на общей политической ситуации. Еще несколько лет тому назад в политических кругах и даже в рядах нашей собственной партии было немало оптимистов, неустанно повторявших, что, несмотря на все вооружения и разговоры о войне, мы прожили 40 лет в атмосфере мирного раз-

вития. Эта теория вращивания в мирное бытие и в мирное демократическое развитие связана с именем французского партийного деятеля, пользующегося заслуженной славой в международной социал-демократии, — с именем Жана Жореса. Вы, вероятно, знаете, что еще недавно тов. Жорес неустанно подчеркивал тот факт, что после франко-прусской войны на континенте не происходило войн и что это обстоятельство раскрывает перед нами утешительную перспективу. Другими словами: мы приближаемся к такому времени, когда идеи гуманности и человечности восторжествуют над стремлениями реакции.

Эти мысли, находившие у нас и во всех других странах весьма большое число сторонников, связывались с известными представлениями о гарантиях мирного развития Европы. С одной стороны, такими гарантиями считали тройственный союз, с другой стороны — двойственный Союз. За последнее время, когда русско-французский двойственный союз сблизился с Англией, Жорес с радостью приветствовал это событие. По его мнению, это — две опоры мира, раскрывающие перед нами обширное поле для мирного культурного развития в нашем смысле.

Еще не замолкло эхо этих прекрасных грез — и что же происходит на наших глазах? В Европе свирепствует кровавая война ¹⁾, и двойственный союз, тройственный союз и Гаагский мирный трибунал оказались в этом случае простыми фантомами. С полной ясностью обнаружилось, что перспективы мирного развития исчезли раз навсегда. В настоящий момент повсюду бушует буря, и среди этой бури мы должны вести нашу собственную борьбу. У нас нет никаких оснований со-

¹⁾ Итало-турецкая война за Триполи.

жалеть, что мы живем в бурное время. Чем больше усиливается буря, тем веселее развевается знамя на нашем корабле.

Не одна только фурия войны спущена ныне с цепи. В этом году мы испытали еще и другую бурю — целую волну голодных вспышек, разразившихся в наиболее развитых культурных государствах. Голодные бунты заслуживают особого внимания. Мы привыкли голодать. Мы знаем, что в капиталистическом обществе после эпох блестящего подъема с периодической правильностью неизменно наступает кризис и что после того, как горсточка капиталистов сняла сливки, жертвы кризиса тяжелым бременем падают на плечи широких масс и ухудшают их положение. Наступают безработица и голод. Но в этом году голодные вопли раздались уже не в период кризиса, а в период расцвета. Голод уже не дожидается падения конъюнктуры, и, чтобы испытать его, рабочим уже не нужно оказаться сначала на мостовой. В то время как дела капиталистов идут блестяще, голод выгоняет массы на улицы. Это новое явление нужно подчеркнуть и исследовать.

Буря надвигается еще и с другой стороны. В настоящий момент разыгрываются следующие события. Берлинская металлическая промышленность рассчитала вчера 50 — 60 тыс. рабочих; столь напряженную борьбу в области металлической индустрии мы переживаем в этом году уже не в первый раз. Сначала борьба разыгралась в Гамбурге, затем в Саксонско-Тюрингском округе, теперь обе стороны меряются силами в самом центре Берлина. Железная промышленность — основная индустрия Германии, индустрия, в которой рабочие создали могучую организацию; поэтому подобная проба сил вызывает колоссальную массовую борьбу. Здесь опять-таки обнаруживается одно: то,

что мы пережили до сегодняшнего дня, только детская игра по сравнению с тем, что нам предстоит впереди.

Таким образом, имеется достаточно фактов, показывающих всякому мыслящему человеку, что мир и спокойствие миновали навсегда. Приближается время, когда в один прекрасный день придется вынести решение, когда рабочий класс будет ответственен за исход борьбы. Задают вопрос — можем ли мы каким-либо образом помешать войне? Мы прекрасно понимаем, что, пока существует капитализм, мы не можем уничтожить войны. Но мы победим капитализм, если мы всеми силами поведем борьбу против империализма, против войны. Тогда нам придется напрячь все силы для того, чтобы сделать ясным всем пролетариям до единого, что его проклятый долг и обязанность — раньше или позже дожить до такого момента, когда господствующие классы обратятся с призывом к массам, увещевая их броситься друг на друга, и когда массы заявят: мы этого не сделаем.

В связи с этим стали обсуждать вопрос о массовой стачке. Социал-демократы сочли нужным уверять, что германская социал-демократия в случае войны отнюдь не имеет в виду инсценировать массовую стачку. Ни я и ни кто-либо другой из смертных не сможет сказать, что сделает социал-демократия во время ближайшей войны. Но мы можем сказать лишь одно: если никто не может с уверенностью заявить, что в случае войны мы провозгласим массовую стачку, то в то же время никто не может поручиться, что социал-демократия не устроит массовой стачки. Наоборот. Наша задача заключается в том, чтобы встряхнуть массы, дать им правильное представление о положении и внушить доверие к собственным силам; тогда мы тем скорее доживем до момента, когда солдаты отка-

жуются выполнять позорную службу, и массы рабочих, скрестив руки на груди, наложат вето на преступление войны.

Через несколько недель мы пойдем к избирательным урнам, чтобы путем избирательного бюллетеня и выборов депутатов сказать решительное слово о судьбах политического развития. И я говорю: необходимо использовать этот момент, чтобы встряхнуть широкие массы и добиться победы социал-демократического знамени. Мы не охотимся за мандатами. Мы не только считаем голоса, — мы взвешиваем их по их духовному содержанию. Мы не хотим, чтобы за нами шли огромные толпы ни о чем не рассуждающих попутчиков; наша задача — в лице каждого избирателя завербовать закаленного борца для классовой борьбы и привлечь таких последователей, которые не оставят нас не только в момент удач, но и в час несчастья.

Мы должны ясно сознавать, что социал-демократии в лицо дует сильный ветер. Мы не боимся никаких преследований. Наоборот. Ясно и открыто мы говорим массам: приготовьтесь к тому, чтобы не только подавать за нас ваш голос, но и в случае необходимости пожертвовать своей жизнью. Мы должны воспользоваться этой избирательной борьбой, чтобы уяснить массам наши задачи.

Мы живем в эпоху, когда последние остатки либерализма растаптываются империализмом. Нет ни одной буржуазной партии, которая нашла бы в себе мужество вступить за честь парламентаризма. Если бы в Германии имелся парламентаризм или буржуазия, хотя бы несколько дорожащая традициями, то таких людей, как Бетман и Кидерлен, выбросили бы к черту, да еще сказали бы им вдогонку, чтобы они больше не осмеливались показываться народу на глаза. Но в настоя-

щее время рабочий класс является в Германии единственной силой, которая, несмотря на натиск личного режима, отстаивает принцип демократии и заявляет: мы не нуждаемся ни в каких орудиях небесной воли, нам нужна республика.

Поэтому мы должны вести борьбу на предстоящих выборах в рейхстаг, и каждый избиратель, подходящий к урне с избирательным бюллетенем в руках, должен от всей души повторить слова Бебеля, сказанные им в Дрездене: я был и остаюсь смертельным врагом буржуазного общества.

ОПАСНОСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Речь на собрании в Лейпциге в мае 1913 г.

Мы живем в удивительное время, когда внимание рабочего класса все в большей и в большей степени сосредоточивается на одной специфической области общественной жизни: на области внешней политики. По представлениям среднего мещанина, внешняя политика относится к той части утренней газеты, которую он читает за утренним кофе, чтобы развлечься от забот или забыть воркотню своей дражайшей половины. Наоборот, для рабочего класса внешняя политика представляет глубочайший интерес. Так было не всегда. Кто следил за духовной жизнью рабочего класса в течение последних десятилетий, тот мог ясно почувствовать пульс ее и наблюдать, как из года в год росло внимание рабочего класса к иностранной политике. Тем не менее внимание это еще и до сих пор недостаточно, и каждый рабочий и работница должны научиться тому, что за событиями внешней политики нужно следить с такою же энергией, вниманием и страстностью, как и за вопросами внутренней политики.

Каждый пролетарий и пролетарка должны сказать себе: в иностранной политике не происходит ничего, что не затрагивало бы ближайших интересов пролетариата. Когда в Африке германские военные отряды поработывают негров, когда на Балканах сербы и болгары убивают турецких солдат и крестьян, когда в Канаде на выборах внезапно получает большинство консервативная партия и сокрушает господство либералов,—во всех этих случаях рабочие и работницы должны сказать: дело идет здесь о нас, и наши интересы поставлены здесь на карту. Уже Карл Маркс за много десятилетий до того, как современное развитие обнаружилось в столь ясной форме, показал нам, насколько важно понимание такого рода событий. В своей знаменитой речи на открытии Интернационала он, между прочим, сказал: борьба за внешнюю политику является частью общей борьбы за освобождение пролетариата и, следовательно, частью классовой борьбы.

Сравнивая современное международное положение с той эпохой, когда была произнесена упомянутая нами речь, мы можем заметить, насколько изменились времена. В 60-х годах осью мирового политического положения являлись еще результаты и следствия раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Суть мировой политики составляли, главным образом, взаимные трения между сообщниками этого грабежа. Но если теперь задать вопрос, что именно стоит в центре всемирно политических событий, то даже серьезный политик пришел бы в большое смущение. Таким пунктом является теперь Северное море, где обнаруживается соперничество между Англией и Германией. В Средиземном море имеется целый узел конфликтов и противоречий. Мир на Балканах означает раздел Европейской Турции, и время гарантирует неизбеж-

ность в ближайшем будущем войны из-за раздела Азиатской Турции. Но международные противоречия этим еще не исчерпываются. Над телом несчастной Персии ведут борьбу Россия и Англия. В обстановке полного мира целая страна и целый народ разбиваются на части. Еще дальше на восток лежит могучий очаг китайской революции. Из Азии дорога ведет через Тихий океан в Америку. Здесь за последнее десятилетие мы переживали все новые и новые сюрпризы. После того как в 1898 г. Соединенные Штаты закончили свою первую колониальную войну с Испанией из-за Филиппин, американские капиталисты устремили жадные взоры на Азию. А отсюда возникло противоречие между Японией и Соединенными Штатами, с одной стороны, и между Соединенными Штатами и Англией—с другой.

Наблюдая также войны последних 10—15 лет, мы замечаем, как политический горизонт все более и более расширялся. Начало этого изменения можно приблизительно отнести к японско-китайской войне 1895 г. Эта война обратила внимание Европы на страну, впервые пробудившуюся к самостоятельной жизни. В 1898 г. вспыхнула война между Америкой и Испанией, во время которой Соединенные Штаты впервые сражались вне пределов своей территории. Бурская война 1899 г. завершила целый ряд захватов, которые Англия совершила втихомолку в этой части мира. Затем разыгрался китайский поход «против гуннов», во время которого Вильгельм II дал солдатам напутствие: парадону не давать, пленных не брать, солдаты должны распоряжаться там, как гунны, так, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не осмелился косо глядеть на немца. В 1904 г. разразилась война между Россией и Японией, за которой последовала русская революция,

затем революции в Персии, Турции и отчасти в Индии. За последние два года и в Китае не раз сверкали молнии и громыхал гром. Спор Франции и Германии из-за Марокко привел в результате своем к разбойническому походу Италии на Триполи, а этот последний — к Балканской войне. Побудительным мотивом всех этих войн является стремление поделить области, еще не завоеванные капитализмом.

До недавнего времени социал-демократия, чтобы определять свое отношение к войне, применяла весьма простой способ. Наступательная война отвергалась и порицалась, наоборот, оборонительная война должна была пользоваться поддержкой социал-демократии. Тов. Бебель, который сказал много превосходного, но иногда, подобно всякому человеку, и кое-что менее превосходное, заявил однажды в рейхстаге, что в случае оборонительной войны он, несмотря на свои годы, возьмется за ружье. Но это определение непригодно уже потому, что различие между наступательной и оборонительной войной растекается под руками и лопается, как мыльный пузырь. В эпоху французских революционных войн войну объявляло французское правительство, но тем не менее это были оборонительные войны, охранявшие от реакции дело революции. Балканская война с формальной точки зрения есть наступательная война против Турции, но в то же время властители нападающей нации рассыпались в уверениях, что они защищают от турок свои священнейшие национальные права и христианскую веру, и они также правы. Из этого приходится вывести заключение, что мы, как пролетарии, должны противиться всякой войне, независимо от того, является ли она войной наступательной или оборонительной. В войне мы видим следствие империализма, и, борясь с империализ-

мом в целом, мы должны бороться против каждого из его частичных проявлений.

Слабым местом нашей тактики является то обстоятельство, что германская социал-демократия становится на почву тройственного союза, т. е. что она поддерживает объединение германской, австрийской и итальянской дипломатии. К нашему глубокому сожалению, несколько недель тому назад, когда в рейхстаге обсуждался новый военный законопроект, тов. Давид по поручению социал-демократической фракции официально заявил правительству: мы, социал-демократы, стоим на почве тройственного союза. При этом была лишь сделана оговорка, что тройственный союз должен быть пай-мальчиком и действовать в пользу мира. Однако этим дело не ограничилось: почти в тот же самый день т. Реннер сделал в венском парламенте такое же заявление от имени австрийской социал-демократии. Ожидать мирной политики от тройственного союза, от капиталистической политики соглашателей, подготавливающей новые войны, — это все равно, что надеяться найти фиги на кусте терновника. Посмотрим только на результаты политики тройственного союза. Первым его следствием было то, что Франция была вынуждена к позорному союзу с Россией, а впоследствии к ним присоединилась и Англия, создав трехстороннее соглашение. Другим следствием тройственного союза являются огромные вооружения Германии, направленные против Франции и России, и вооружения Австрии. Где был тройственный союз, когда надо было сохранить мир, когда одна из держав тройственного союза напала на Триполи (1911 г.), или когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину (1909 г.)? Давным-давно известно, что когда две или три капиталистических державы начинают шушукаться, то дело идет о шкуре

четвертого капиталистического государства. Насколько же наивно ожидать, что этот союз будет гарантией мира! Имеется только один-единственный международный союз, представляющий собою единственную гарантию мира. Этот единственный союз, на который можно рассчитывать, — союз всех революционных пролетариев мира.

Нам нужно отделаться еще от одной иллюзии, которая может привести к путанице, а именно — от иллюзии разоружения. Несколько лет тому назад английскому министру Грею пришлось в голову произнести красивую речь, в которой он высказывался за взаимное соглашение относительно вооружений. Как только об этом узнали у нас, некоторые товарищи из нашей фракции рейхстага сказали: браво, этот человек говорит как по-писанному. Они верили, что таким образом мы можем от войны вернуться к миру. Но когда Грей произносил свою речь, в кармане у него лежал новый проект увеличения флота, и вместо разоружения начались огромные новые вооружения. Так же обстояло дело и с Германией. В бюджетной комиссии военный министр говорил о соглашении с Англией. Это вызвало громовое «ура». Когда германский военный министр, подобно голубю, несет в клюве оливковую ветвь мира, то это значит, что он готовится почуять для огромного военного законопроекта. Нужно совершенно закрывать себе глаза, чтобы не видеть, что вооружения являются неизбежным следствием всего экономического развития. Пока господствует капитал, не прекратятся ни вооружения, ни войны. В настоящее время все большие и малые капиталистические государства, обгоняя друг друга, с головой бросились в водоворот вооружений. Социал-демократия всегда имела то преимущество, что она не парила в облаках, а

твердо оставалась на почве реальной действительности. При всех политических событиях мы всегда спрашивали, в какой связи стоят эти события с капиталистическим развитием, и немало смеялись над буржуазными политиками, проповедывавшими мир, — этими хорошими людьми и плохими музыкантами. Было бы безнадежной утопией ожидать, что наша пропаганда в пользу разоружения заставит капиталистические государства перестать вооружаться. Вооружение — это фатальное следствие капиталистического развития, и путь этот ведет в пропасть.

Мы должны преследовать совершенно иную цель, точно и ясно поставленную перед нами нашей исторической задачей: введение системы милиции, всеобщее вооружение народа, как этого требует наша программа. Мы обязаны сказать народу, что он не должен быть послушным, как труп, что он должен осознать свои собственные интересы. Конечно, организация милиции — нечто совершенно иное, чем разоружение господствующего класса; система милиции может возникнуть исключительно из действенной силы пролетариата. Мы не обманываем себя надеждами и не думаем, что не сегодня-завтра мы сможем ввести систему милиции. Такая военная организация, при которой вооруженный народ сам решает, начнет ли он войну или нет, несовместима с владычеством Круппов и изготовляющих оружие картелей. Чтобы ввести милицию, мы должны ниспровергнуть господствующие классы, а это обозначает революцию, требует довольно трудной исторической работы. Но значит ли это, что мы должны тщательно запирать наши требования в шкаф, словно семейную святыню, извлекая их оттуда лишь в особых торжественных случаях? Отнюдь нет! Мы должны выставлять требование милиции в нашей повсе-

дневной программе действий: народ должен знать, что проведение этого требования предполагает ниспровержение юнкерского господства. Во Франции разгряваются теперь бурные протесты против трехлетней военной службы и начинается борьба против слепой военной дисциплины. Неужели же германский рабочий окажется хуже, глупее и трусливее? Я полагаю, что мы не зря насчитываем четыре миллиона социал-демократических голосов и не зря имеем за собою 50 лет социалистической истории. Наступит время, когда германский рабочий класс не позволит собой командовать, поднимется, как один человек, и скажет: я этого не хочу, я этого не сделаю.

Результатом безумных вооружений является постыдное падение парламентаризма. В германском парламенте исчезла всякая буржуазная оппозиция, и нет ни одного законопроекта о вооружениях, который не был бы одобрен верными мамелюками правительства. Правительству стоит только свистнуть, и парламент прыгает, как пудель. Во время выборов в рейхстаг мы в поте лица работаем над тем, чтобы послать в рейхстаг возможно большее число своих представителей, но если есть хоть один рабочий, который полагает, что кроме избирательного бюллетеня ничего не нужно, то он может вызвать во мне лишь чувство жалости. Чем больше социал-демократов посылается в парламенты, тем более эти парламенты принижаются до роли фигового листка абсолютизма. Когда снаряжалась китайская экспедиция (1900 г.), депутаты рейхстага гостили у своих маменек, а затем представители буржуазии с собачьей покорностью сняли с правительства всякую ответственность за истраченные им средства. Точно так же обстоит дело и в Англии, где церемониал парламентарных фокусов особенно разработан; ведь пи-

сала же одна английская газета, что трижды священный парламентаризм готовится закрыть свою лавочку. Как в Германии и в Англии, точно так же и в Австрии и в прочих государствах парламентаризм все глубже и глубже погружается в болото. Чего бы стоили мы, социал-демократы, если бы мы возлагали свои надежды на парламентаризм? Центр тяжести социал-демократической политики следует перенести в массы; парламент остается только ораторской трибуной, имеющей, правда значение, с высоты которой можно вести социалистическую агитацию и подхлестывать массы. Что в случае необходимости масса может действовать, — этому за последнее время имеется достаточно доказательств. Нас часто уверяют, с кассовыми книгами и членскими списками в руках, что число членов у нас еще недостаточное и кассы слишком слабы для того, чтобы проводить крупные выступления. О, эти мелкие мастера счетоводства! Я не недооцениваю значения организаций, — их вообще нельзя достаточно высоко оценить. Но было бы крайне неправильно утверждать, что, прежде чем начать великий поход против капитализма, необходимо, чтобы все рабочие и работницы до последнего человека стали формальными членами партии. Недавно в Бельгии 400 тыс. чел. 10 дней пробыли со скрещенными руками, чтобы завоевать политические права, хотя, по моему мнению, их повели в огонь не в надлежащее время. Следует при этом заметить, что бельгийские рабочие далеко не обладают такими прекрасными организациями, как германские. Пример русской революции также показал, что может сделать масса. В 1905 г. русский пролетариат не имел никаких профессиональных и политических организаций, а несколько лет спустя в огне революции выкопались прочные пролетарские организации.

Не следует грешить слишком низкой оценкой нашей силы, стихийной силы широких масс, ибо опасность недооценки наших сил гораздо больше, чем опасность их переоценки. Мы должны сказать пролетарским массам, что если мы теперь, после 50 лет развития, насчитываем в своих рядах миллионы, то это не только оправдывает нашу гордость, но и обязывает к действиям. Чем более мы растем, тем в большей степени мы обязаны бросать на чаши весов всю силу наших масс. Мы должны просветить массы и сказать им, что если капиталисты делят мир, то наследниками их рискованных предприятий являемся мы. Мы должны выказать такое же мужество, такую же решимость, такую же непреклонность в осуществлении наших задач, какую выказывали буржуазные революционеры и сущность которой резюмировал Дантон, сказав, что при известных положениях лозунгом должны служить только три слова: смелость, смелость и еще раз смелость!

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ,

произнесенная перед франкфуртским уголовным судом 20 февраля 1914 г. ¹⁾

Как в сегодняшних устных заявлениях господина прокурора, так и в его письменном обвинительном акте играют большую роль не только буквальный смысл ин-

¹⁾ Роза Люксембург обвинялась в том, что на собраниях, состоявшихся во Франкфурте-на-Майне и Фехенгейме 25 и 26 сентября 1913 г., она сказала: „Когда нас будут убеждать поднять оружие убийства против наших французских и иностранных братьев, мы заявим: „Нет, этого мы не сделаем!“

криминируемых мне слов, но в еще большей степени также и общий смысл и тенденция, которые приписываются этим словам. Господин прокурор много раз и весьма усиленно подчеркивал то, что, по его мнению, я знала и чего хотела, когда произносила свои речи на собраниях. Но я, конечно, более компетентна, чем кто бы то ни было, чтобы судить о внутреннем психологическом моменте моей речи и о моем сознании, и в большей степени, чем кто бы то ни было, могут дать по этому поводу полные и исчерпывающие объяснения.

Я заявляю заранее: я вполне охотно дам полные объяснения и господину прокурору и вам, господа судьи. Предвосхищая свои основные выводы, я заявляю, что все то, что господин прокурор, опираясь на показания свидетелей обвинения, изобразил как мои мысли, мои намерения и мои чувства, есть не что иное, как плоское, неумное искажение и моих речей и социал-демократической агитации вообще. Когда я слышала выводы, сделанные прокурором в его речи, я не могла удержаться от внутреннего смеха и думала: вот опять классический пример того, как мало формальное образование помогает понять ход социал-демократической мысли и постигнуть наш мир идей во всей его сложности, научной точности и исторической глубине, если этому пониманию мешает принадлежность к опреде-

Франкфуртский уголовный суд приговорил Розу Люксембург к одному году тюремного заключения за возбуждение к неповиновению законам. В 1915 г. этим постановлением воспользовались, чтобы отнять у Розы Люксембург возможность вести пропаганду против войны. Ее заключили в тюрьму и держали там вплоть до революции. Тем не менее в тюрьме она писала свои письма Спартак и направленную против войны брошюру Юниуса.

ленным социальным классам. Если бы вы, господа судьи, спросили любого, самого простого, необразованного рабочего из тех тысяч рабочих, которые присутствовали на моих собраниях, то он совершенно иначе изложил бы содержание моих речей и свое впечатление от них. Неученые мужчины и женщины рабочего класса вполне в состоянии воспринять наши мысли, которые в мозгу прусского прокурора отражаются в искаженном виде, как в кривом зеркале. Я докажу теперь это более детально по отдельным пунктам.

Господин прокурор несколько раз повторял, что еще до того, как я произнесла инкриминируемые мне слова, являвшиеся-де кульминационным пунктом моей речи, я «безмерно подстрекала своих слушателей». В ответ на это я могу лишь сказать: господин прокурор, мы, социал-демократы, вообще не занимаемся подстрекательством. В самом деле, что значит «подстрекать»? Разве я пыталась внушить собравшимся хотя бы такую, например, мысль: когда вы во время войны очутитесь во вражеской стране, например, в Китае, расправляйтесь так, чтобы даже через сто лет ни один китаец не осмелился искоса посмотреть на немца? Если бы я говорила так, то, конечно, это было бы подстрекательством. Или, может быть, я старалась пробудить в собравшихся массах национальное самомнение, шовинизм, презрение и ненависть к остальным расам и народам? Это, конечно, тоже было бы подстрекательством.

Но я не говорила так, да и вообще никакой сознательный социал-демократ не говорит так. На этих франкфуртских собраниях я делала то же самое, что мы, социал-демократы, всегда делаем и в устной и в письменной форме: мы просвещаем рабочие массы,

объясняем им их классовые интересы и их исторические задачи, указываем и на великие линии исторического развития, на тенденции экономических и политических и социальных изменений, которые происходят в лоне нашего современного общества и которые с железной необходимостью приведут к тому, что на известной ступени развития существующий строй устранился и на его месте будет воздвигнут более высокий социалистический общественный строй. Так ведем мы нашу агитацию, так мы поднимаем моральный уровень масс, развертывая перед ними облагораживающие исторические перспективы, на почве которых мы стоим. Основываясь на тех же великих положениях, — ведь у нас, социал-демократов, все сочетается в единое гармоническое, последовательное и научно-обоснованное мировоззрение, — мы ведем и нашу агитацию против войны и милитаризма. И если господин прокурор со своими жалкими свидетелями обвинения изображает все это, как простое подстрекательство, то грубость и упрощенность такого понимания объясняются целиком и исключительно неспособностью прокурора продумать социал-демократические принципы.

Далее, господин прокурор много раз припутывал к делу мои мнимые намеки на «убийство начальников». Эти прикрытые, но понятные каждому намеки на убийство офицера должны были особенно ясно изобличить черноту моей души и чрезвычайную опасность моих намерений. Но если даже на один момент признать достоверность приписываемых мне слов, то все же, немного подумав, вы должны будете сказать, что в данном случае прокурор, увлеченный похвальным стремлением изобразить меня в наиболее мрачном свете, совершенно не справился с своей ролью. В самом деле, когда и в отношении каких именно «начальников»

я рекомендовала убийство? Обвинительный акт утверждает, что я отстаивала введение в Германии милиционной системы и существенной особенностью этой системы считала то, что солдатам, как это практикуется в Швейцарии, выдается на дом ручное оружие. К этим мыслям — заметьте хорошенько: к этим мыслям — я присовокупила намек, что в один прекрасный день оружие направится не в ту сторону, в какую угодно господствующим классам. Итак, ясно: господин прокурор обвиняет меня, что я подстрекала к убийству не начальников теперешнего германского войска, а к убийству начальников будущей германской милиции! Наша пропаганда милиционной системы вызывает особенно сильные нападки и в обвинительном акте вменяется мне в преступление. Однако в то же время прокурор обеспокоен тем, что я угрожаю жизни офицеров этого ненавистного милиционного войска. Еще один шаг, и господин прокурор, увлеченный поединком со мною, выставит против меня обвинение, что я подстрекала к покушению на жизнь президента будущей германской республики.

Что же я в действительности говорила об «убийстве начальников»? Нечто совершенно противоположное. В моей речи я указывала на то, что официальные защитники современного милитаризма обычно обосновывают его фразой о необходимости защиты отечества. Если бы эта забота об отечестве была проникнута честностью и искренностью, то, утверждала я, господствующим классам не пришлось бы делать ничего иного, как только осуществить старые программные требования социал-демократии — милиционную систему. Только эта последняя дает единственную настоящую гарантию защиты отечества, ибо только свободный народ, выступающий против врага по собственному ре-

шению, является прочным и надежным бастионом, охраняющим свободу и независимость отечества. Только тогда можно было бы сказать: дорогое отечество, ты можешь быть спокойным! Почему же в таком случае, спрашивала я, официальные защитники отечества не хотят и слышать об этой единственно действительной системе защиты? Только потому, что защита отечества не стоит у них ни на первом, ни на втором плане, и они заинтересованы в империалистических завоевательных войнах, для которых милиция, конечно, не годится. А дать рабочему народу оружие в руки господствующие классы боятся потому, что нечистая совесть эксплуататоров подсказывает им опасение, что оружие может в один прекрасный день направиться не в ту сторону, в какую это угодно господствующим классам.

Итак, то, что я изображала как опасение господствующих классов, приписывается теперь мне прокурором на основании показаний его беспомощных свидетелей, как мое собственное требование! Здесь вы опять имеете доказательство того, какую путаницу в его мозгу создала его абсолютная неспособность понять ход мыслей социал-демократии.

Так же насквозь лживо и утверждение обвинительного акта, что я рекомендовала поступать по голландскому принципу, согласно которому солдату колоннальной армии предоставляется право убить своего начальника в случае жестокого обращения. На самом деле я имела тогда в виду милитаризм и жестокое обращение с солдатами, о котором говорил наш незабвенный вождь Бебель; я указывала, что одной из важнейших глав его жизни является борьба в рейхстаге против жестокого обращения с солдатами, причем для иллюстрации ссылалась на стенографические отчеты

приятий в рейхстаге — отчеты эти, насколько я знаю, разрешены законом — и цитировала несколько речей Бебеля, между прочим, и то, что он говорил в 1913 г. об обычаях в голландской колониальной армии. Вы видите, господа, что и в данном случае господин прокурор переусердствовал: свои обвинения во всяком случае он должен был направить не против меня, а против кого-то другого.

Я перехожу теперь к главному пункту обвинительного акта. Господин прокурор утверждает, что в инкриминируемой речи я призывала солдат в случае войны противиться приказам и не стрелять во врага; это главное свое обвинение он обосновывает рассуждением, которое, очевидно, представляется ему неотразимо убедительным и строго логичным. Он рассуждает следующим образом: так как я агитировала против милитаризма и желала помешать войне, то я, очевидно, не могла иметь в виду никакого иного пути и никакого иного действительного средства, кроме прямого призыва, обращенного к солдатам: если вам приказывают стрелять — не стреляйте! Не правда ли, господа судьи, какое убедительное заключение, какая непобедимая логика! Но все же позвольте мне заявить вам: эта логика и это заключение вытекают из взглядов господина прокурора, а не из моих взглядов и не из взглядов социал-демократии. Я прошу вас в этом пункте с особым вниманием отнестись к моим словам. Я говорю: заключение, что единственное действительное средство для предотвращения войны состоит в прямом обращении к солдатам и в призыве не стрелять, — это заключение есть только другая сторона того взгляда, согласно которому все в государстве обстоит благополучно, пока солдат исполняет приказы своего начальства, и согласно которому, говоря кратко, основой го-

сударственной мощи и милитаризма является слепое повиновение солдат. Этот взгляд господина прокурора находит себе гармоническое дополнение, например, в официально опубликованной речи высшего верховного вождя армии; согласно официальному отчету от 6 ноября прошлого года, при приеме в Потсдаме короля эллинов император сказал, что успехи греческого войска доказывают, что «принципы, усвоенные нашим генеральным штабом и нашими войсками, при правильном их применении, всегда обеспечивают победу». Генеральный штаб со своими «принципами» и слепо повинующимися солдатами — таковы основы ведения войны и гарантия победы. Мы, социал-демократы, как раз не разделяем этого взгляда. Мы полагаем, что течение и исход войны определяются не только армией, не только «приказаниями» сверху и слепым «повиновением» снизу, а что судьбу войны решают и должны решать широкие массы рабочего народа. Мы полагаем, что войну можно вести лишь до тех пор, пока рабочие массы либо сочувствуют и содействуют ей, считая ее справедливой и необходимой, либо же, по крайней мере, терпеливо сносят ее последствия. Наоборот, если огромное большинство рабочего народа приходит к убеждению, — а воспитать это убеждение и пробудить это сознание мы, социал-демократы, считаем своей задачей, — если, говорю я, большинство народа приходит к убеждению, что война есть варварское, безнравственное, реакционное и противонародное явление, то тогда война становится невозможной, хотя бы солдат и продолжал повиноваться приказаниям властей. По мнению прокурора, войну ведет армия, по нашему мнению, — ее ведет весь народ. Народ должен решать, должна ли быть объявлена война, или нет; от массы рабочих, мужчин и женщин, старых и молодых,

зависит решение о том, быть или не быть современному милитаризму, а не от маленькой частицы этого народа, носящей так называемый королевский мундир.

И если я так говорила, то у меня в руках есть формальное доказательство того, что это действительно является моим и нашим общепартийным взглядом.

Счастливая случайность дает мне возможность ответить на вопрос франкфуртского прокурора — кого именно я имела в виду, когда говорила: «мы этого не сделаем». Я отвечу ему моей франкфуртской речью. 17 апреля 1910 г. во Франкфурте, в цирке Шумана, перед 6 тыс. человек я говорила о борьбе за реформу прусского избирательного права — как вы знаете, тогда наша борьба приняла особенно широкие размеры — и в стенографической записи моей речи на странице 10 я нахожу следующую фразу:

«Уважаемые слушатели! В нынешней борьбе за избирательное право, как и во всех важных политических вопросах, касающихся прогресса Германии, мы представлены только самим себе. Но кто это «мы»? «Мы» — это миллионы пролетариев и пролетарок Пруссии и Германии. Мы представляем собою нечто большее, чем цифру. Мы — это миллионы тех, работой которых живет общество, и как только этот простой факт прочно укрепит в сознании широчайших масс германского пролетариата, наступит момент, когда и в Пруссии можно будет показать господствующей реакции, что мир может прекрасно обойтись без ост-эльбских юнкеров, без графов из партии центра, без тайных советников, а в крайнем случае, пожалуй, даже и без городских, но не может прожить и 24 часов, если рабочие скрестят на груди руки».

Как вы видите, я ясно здесь говорю, в чем мы видим центр тяжести политической жизни и судеб государ-

ства: в сознании, в ясно сформулированной воле, в решимости широких рабочих масс. Так же понимаем мы и вопрос о милитаризме. Если рабочий класс признает и решит, что не нужно допускать войны, то война станет невозможной.

...Ни в одной из резолюций наших партийных съездов и конгрессов вы не найдете ни одного призыва, рекомендуемого нам стать перед солдатами и кричать им: не стреляйте! Почему? Не потому ли, что мы боимся последствий такой агитации и параграфов уголовного кодекса? Мы были бы поистине жалкими созданиями, если бы из страха перед последствиями мы не делали того, что считаем необходимым и спасительным. Нет. Мы этого не делаем потому, что говорим себе: люди, носящие «королевский мундир», являются только частью рабочего народа, и если этот рабочий народ поймет постыдность войны и вред ее для народных интересов, то солдаты сами, без всяких призывов с нашей стороны, будут знать, что им надо делать в этом случае.

Как вы видите, господа, наша агитация против милитаризма не носит такого жалкого и упрощенного характера, как это представляет себе господин прокурор. В нашем распоряжении имеется много разнообразнейших средств воздействия: воспитание юношества — этим мы занимаемся ревностно и успешно, несмотря на все трудности, которые лежат на нашем пути, — пропаганда милиционной системы, массовые собрания, уличные демонстрации... Наконец, посмотрите на Италию. Как отвечали там сознательные рабочие на триполлийскую военную авантюру? Массовой демонстративной стачкой, проведенной блестящим образом. А как реагировала на это германская социал-демокра-

тия? 12 ноября берлинские рабочие на двенадцати собраниях приняли резолюцию, где они благодарили итальянских товарищей за массовую стачку.

Вот именно, массовая стачка! — говорит прокурор. Как раз в этом пункте он надеется опять поймать меня с поличным и разоблачить мои опаснейшие, потрясающие государство намерения. Прокурор, обосновывая сегодня свой обвинительный акт, особенно упирал на мою агитацию по вопросу о массовой стачке и рисовал при этом самые ужасающие перспективы насильственного переворота, какие только могут зародиться в фантазии прусского прокурора. Господин прокурор, если бы я могла предположить у вас хотя бы малейшую способность понять ход мыслей социал-демократии и разобраться в ее более благородном историческом мировоззрении, я раз'яснила бы вам то, что я успешно раз'ясняю на каждом народном собрании, а именно: что массовых стачек, отмечающих определенный период развития современных отношений, нельзя «сделать», подобно тому как нельзя «сделать» революцию. Массовые стачки — это этап классовой борьбы, к которому с естественной необходимостью приводит наше современное развитие. В этом вопросе вся роль социал-демократии состоит в том, чтобы уяснить рабочему классу эту тенденцию развития, дабы рабочие стояли на высоте своих задач и являлись обученной, дисциплинированной, зрелой, решительной и действенной народной массой.

Как вы видите, прокурор и здесь, выставляя в обвинительном акте призрак массовой стачки в том виде, как он ее понимает, хочет в сущности наказать меня не за мои мысли, а за свои собственные.

На этом я закончу. Я хотела бы только сделать еще одно замечание. В своей речи господин прокурор по-

святил много внимания моей маленькой персоне. Он изображал меня как человека, чрезвычайно опасного для государственного строя, и не постыдился даже опуститься на уровень «Кладдерадатча»¹⁾ и именовал меня «красной Розой». Он осмелился поставить под сомнение мою личную честь и высказал подозрение, что я попытаюсь спастись бегством в том случае, если мне назначат требуемую им меру наказания. Господин прокурор, я считаю для себя недостойным отвечать на все ваши нападки. Но я хочу сказать вам только одно: вы не знаете социал-демократии! (Председатель прерывает: «Мы не можем здесь слушать политических речей»). В 1913 г. многие из ваших коллег трудились в поте лица, чтобы наградить нашу прессу 60 месяцами тюремного заключения. Но слышали ли вы, чтобы хотя один из грешников, боясь наказания, сбежал? Неужели вы думаете, что это огромное количество наказаний отняло решимость хотя бы у одного социал-демократа или поколебало его сознание долга? О, нет, наше дело не обращает внимания на все хитросплетения ваших уголовных параграфов, оно растет и процветает вопреки всем прокурорам!

В заключение еще одно слово о том неблагоприятном обвинении, тяжесть которого ложится на его автора. Прокурор буквально сказал — я записала его слова: он требует моего немедленного заключения под стражу, ибо «было бы непостижимым, если бы обвиняемая не попыталась бежать». Другими словами, это значит: если бы я, прокурор, был присужден к одному году тюремного заключения, то я попытался бы спастись бегством. Господин прокурор, я верю вам, вы, конечно, сбежали бы. Но социал-демократ не бежит. Он отве-

¹⁾ «Кладдерадатч» — немецкий юмористический журнал. — *Ред.*

чает за свои поступки и смеется над вашими наказаниями.

А теперь осудите меня!

РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СПАСЕНА¹⁾

Речь на общем собрании берлинской организации независимой социал-демократической партии 15 декабря 1918 г.

Тов. Гаазе только что держал обвинительную речь против политики, которую он сам проводил, и защитительную речь в пользу политики Эберта и Шейдемана. Он сказал, что Либкнехт был готов войти в правительство, но он при этом забыл упомянуть об условии, поставленном тов. Либкнехтом. Это условие заключалось в том, что правительство должно вести принципиально-социалистическую политику. При этом условии мы и сейчас готовы вступить в правительство...

Пять недель прошло после 9 ноября. С тех пор картина совершенно изменилась. Реакция теперь гораздо сильнее, чем в первый день переворота. А Гаазе говорит нам: смотрите, как широко мы развернули революцию! Его обязанность состоит в том, чтобы показать нам прогресс контрреволюции, встречающей благоприятное отношение со стороны правительства, в котором заседает Гаазе. Это правительство, вместо того чтобы предотвратить контрреволюцию, усилило буржуазию и реакцию. Буржуазия поистине не может пожелать для себя лучшего правительства, ибо оно служит фиговым листком для ее контрреволюционных целей.

¹⁾ Эту речь Роза Люксембург произнесла в ответ на доклад Гуго Гаазе. Сущность этого доклада сводилась к попытке защитить эбертовское правительство и затушевать измену революции.

Правительство не приняло даже самых элементарных мер. Аннулировало ли оно военный заем? Вооружило ли оно народ для защиты революции? Оно запретило организацию красной гвардии, но зато признало белую гвардию Вельса. Во время путча 6 декабря все контрреволюционные нити сходились в руках Эберта и Вельса. Все офицеры и генералы, Леквис и Гинденбург, стояли за существующее правительство, а Гаазе говорит нам, что это — социалистическое правительство. Именно подобные методы управления и сбивают с толку пролетариат. После 6 декабря независимые должны были выйти из состава правительства. Они должны были снять с себя ответственность за случившееся, дабы встряхнуть массы и сказать им: революция в опасности! Но этого не произошло, и массы заснули; продолжением этой политики усыпления и была сегодняшняя речь Гаазе.

Гаазе перечислял великие подвиги нового правительства¹⁾. Это чисто буржуазные реформы, показывающие нам, насколько отсталой была Германия. Это — просроченные долги буржуазии, а вовсе не революционные завоевания пролетариата, о которых следовало бы думать.

Гаазе далее сказал, что мы не должны рабски подражать тактике русских, ибо Германия более прогрессивна в экономическом отношении. Но мы должны у них учиться. Большевикам пришлось сначала накапливать опыт, а мы можем теперь воспользоваться зрелыми плодами их опыта.

Социализм не есть вопрос парламентских выборов, а просто силы. Пролетарии должны вести классовую

¹⁾ Пособия безработным, восьмичасовой рабочий день, отмена положения о городских общинах, отмена ночной работы в предприятиях, амнистия.

борьбу с буржуазией, сойдясь с ней грудь с грудью. Для этого пролетариат надо вооружить. Дело идет уже не о дискуссиях, не о резолюциях большинства. Гааза выступил за отсрочку созыва национального собрания, но тем не менее он смотрит на национальное собрание, как на арену политической борьбы. Партийный комитет независимых установил апрель, как срок созыва национального собрания. Но представители независимых, заседающие в правительстве, изменили это решение и согласились на отсрочку созыва национального собрания до 16 февраля.

Гааза восхвалял принцип демократии. Но если признавать принцип демократии, то прежде всего его нужно признать в нашей партии. В таком случае следует сейчас же созвать партийный съезд, чтобы массы могли высказаться, желают ли они продолжения существования этого правительства.

Если независимая социал-демократическая партия на берлинских выборах в советы рабочих и солдатских депутатов потерпела поражение, то истинной причиной этого является политика, которую Гааза проводил в правительстве. Как нелепо обвинять Союз Спартака! Ведь именно мы будили социалистическую совесть масс. Четыре года Гааза и его друзья боролись с социал-патриотами и кончили тем, что заключили мир с виновными. И потому истинными виновниками являются они.

Гааза упрекнул нас в том, что мы подчиняемся настраиваниям масс, ибо мы соглашаемся войти в правительство только с согласия масс. Мы не подчиняемся и мы не ждем. Мы хотим только разоблачить вашу половинчатость, вашу слабость. Когда Гааза и его друзья выйдут из состава правительства, они этим встряхнут массы и просветят их сознание. Но если они

будут попрежнему прикрывать правительство, то массы поднимутся против них и выгонят их вон. В настоящее время, в момент революции, просветительная работа совершается не с помощью книг и брошюр. Массу нужно теперь просвещать действиями.

Положение внутри независимой социал-демократической партии действительно невыносимо, ибо в ней объединяются неподходящие друг для друга элементы. Либо нужно решить действовать совместно с социал-патриотами, либо нужно идти вместе с Союзом Спартака. Это должен решить партийный съезд. Но когда мы требуем созыва партийного съезда, Гааза так же крепко затыкает уши, как затыкал их Шейдеман, когда мы выступали с таким же требованием во время войны.

Я предлагаю собранию следующую резолюцию:

«Чрезвычайное собрание берлинской организации независимой социал-демократической партии, состоявшееся 15 декабря 1918 г., требует:

1. Немедленного выхода представителей независимой социал-демократической партии из правительства Эберта — Шейдемана.

2. Собрание отклоняет созыв национального собрания, которое может привести лишь к усилению контр-революции и к тому, что у революции обманном путем будут отняты ее социалистические цели.

Собрание требует:

3. Немедленного взятия всей политической власти рабочими и солдатскими советами, разоружения контр-революции, вооружения рабочего населения, образования красной гвардии для охраны революции, роспуска образованного Эбертом совета народных представителей, облечения исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов высшей государственной властью.

4. Общее собрание требует немедленного созыва с'езда независимой социал-демократической партии».

Мы стоим теперь перед моментом всемирно-исторического значения, перед созывом центрального совета. Революция уже почти приведена на край гибели. Пролетариат должен удержать ее железной рукой. Правительство сделало все, чтобы заранее отнять власть у центрального совета рабочих и солдатских депутатов. Оно разоружило гражданское население и пролетариат. Оно приняло меры, направленные против революции и вводящие в заблуждение массы. Против всего этого нужно вести беспощадную борьбу.

СНИЗУ ВВЕРХ!

Программная речь на учредительном с'езде коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г.

...Бросим испытующий взгляд на только что закончившуюся первую фазу революции!

Исходным пунктом революции было 9 ноября. Ноябрьская революция была революцией компромиссов и слабости. В этом нет ничего удивительного. Революция разразилась после 4 лет войны; за это время германский пролетариат, благодаря воспитательной работе социал-демократии и свободных профсоюзов, обнаружил такой постыдный отказ от своих социалистических задач, подобного которому мы не встретим ни в какой другой стране. Если стоять на почве исторического развития, как это делаем мы, марксисты и социалисты, то нельзя было ожидать, чтобы в Германии, представлявшей 4 августа и в течение следовавших за ним 4 лет войны столь ужасную картину, 9 ноября 1918 г. вдруг разразилась великолепная револю-

ция, сознающая свои классовые цели. То, что мы пережили 9 ноября, является на три четверти крушением существующего империализма, а не победой нового принципа.

Наступил момент, когда империализм, подобно колоссу на глиняных ногах, внутренне уже сгнившему, должен был рухнуть; то, что произошло после этого крушения, было более или менее хаотическим, беспланным, весьма мало сознательным движением, в котором объединяющей нитью, неизменным спасительным принципом являлся только лозунг образования советов рабочих и солдатских депутатов. Таков был лозунг этой революции, немедленно придавший ей своеобразную печать пролетарско-социалистической революции, несмотря на все компромиссы и слабости, обнаружившиеся в первый момент. Когда нам преподносят клеветы на русских большевиков, мы должны в ответ неизменно отвечать: а где же вы научились азбуке вашей теперешней революции? Вы получили ее от русских в виде рабочих и солдатских советов. И те людишки, которые ныне, стоя во главе германского так называемого социалистического правительства, считают свои долгом заодно с английскими империалистами чернить русских большевиков, в то же время ополчаются и против рабочих и солдатских советов. Они должны признаться в том, что первые лозунги мировой революции дала русская революция. Мы можем с уверенностью сказать — и это подтверждается с очевидностью всей ситуацией, — что в какой бы стране после Германии не разразилась пролетарская революция, ее первым жестом будет образование советов рабочих и солдатских депутатов.

Именно это и составляет объединяющую международную связь наших выступлений. Этот лозунг резко от-

личает нашу революцию от остальных прежних буржуазных революций; для тех диалектических противоречий, в которых движется эта революция, как впрочем, и все революции, весьма характерно, что уже 9 ноября, когда революция испустила свой первый крик новорожденного, она нашла слово, подводящее нас к социализму: советы рабочих и солдатских депутатов. Вокруг этого слова группировалось все. Революция нашла его инстинктивно, хотя 9 ноября она еще настолько мало продвинулась вперед, настолько страдала половинчатостью, слабостью, недостатком инициативы и неясным пониманием своих задач, что уже на второй день после переворота она выпустила из рук половину тех средств воздействия, которые она завоевала 9 ноября. Это показывает, с одной стороны, что настоящая революция подчиняется всесильному закону исторической необходимости, гарантирующему нам, что мы шаг за шагом придем к своей цели, несмотря на все трудности, осложнения и собственные ошибки. Но, с другой стороны, сравнивая ясное содержание этого лозунга с недостаточностью его практического осуществления, нужно сказать: это были только первые детские шаги революции, которой придется еще многое совершить и далеко продвинуться, чтобы дорасти до полного осуществления своих первых лозунгов.

Товарищи, эта первая фаза, начиная от 9 ноября и до последних дней, характеризуется всевозможными иллюзиями. Первая иллюзия пролетариата и солдат, совершивших революцию, была иллюзией объединения под знаменем так называемого социализма. Что может быть характернее для внутренней слабости ноябрьской революции, как не ее первый результат, как не то, что во главе движения стали элементы, которые еще за два часа до начала революции считали своим долгом вос-

становлять против нее народ, делать ее невозможной: Эберт — Шейдеман и Гаазе! Об'единение различных социалистических течений в общем торжествующем порыве единства — таков был девиз революции 9 ноября. За эту иллюзию, грезы и ошибки которой мы изжили до конца лишь за последние дни, пришлось впоследствии поплатиться кровью. Эберт — Шейдеман и буржуазия также предавались самообману. Иллюзия со всех сторон, — и все эти иллюзии развеялись прахом! Обнаружилось, что об'единение Гаазе с Эбертом — Шейдеманом под общим щитом «социализма» в действительности было лишь фиговым листком, прикрывавшим чисто контрреволюционную политику. От этого самообмана мы исцелились, как излечиваются от него во всех революциях. Существует определенный революционный метод излечивать народ от его иллюзий, но, к сожалению, этот способ лечения покупается кровью народа. Как было во всех прошлых революциях, так было и теперь. Кровь жертв, павших на улице Шоссе 6 декабря, кровь матросов, убитых 24 декабря, — вот что запечатлело для широких масс такой вывод и такую истину: то, что вы склеили под видом «социалистического правительства», — не что иное, как правительство буржуазной контрреволюции, и кто будет дальше терпеть такое положение вещей, тот будет работать против пролетариата и против социализма.

Это только отрицательный вывод, лохмотья погибших иллюзий. Но для пролетариата чрезвычайно выгодно, что после первой фазы революции остаются только такие разорванные лоскутья: ибо для революции нет ничего более вредного, чем иллюзии, и ничего более полезного, чем ясная, открыто выраженная истина. Я могу в этом отношении сослаться на мнение одного из классиков германского духа, который не был

пролетарским революционером, но был духовным революционером буржуазии: я намекаю на Лессинга, который в одном из своих последних сочинений, составленных им в бытность библиотекарем в Вольфенбюттеле, написал следующие, чрезвычайно интересные и симпатичные для меня строки: «Я не знаю, можно ли считать долгом жертвовать счастьем и жизнью ради истины... Но я знаю, что если хотят научиться истине, то долг заключается в том, чтобы научиться ей целиком или совсем не учиться, научиться ей ясно и точно, без загадок, без оговорок, без недоверия к ее силе... Ибо чем грубее заблуждение, тем короче и прямее путь к истине; наоборот, утонченное заблуждение может навеки удалить нас от истины, и тем труднее нам понять, что это — заблуждение... Кто думает только о том, чтобы преподнести человеку истину под всевозможными личинами и румянами, того, конечно, можно назвать ее сводником, но ее любовником он не был никогда». Товарищи, господа Гаазе, Дитман и т. п. хотели преподнести людям социалистический товар революции под всевозможными личинами и румянами и оказались сводниками контрреволюции; теперь мы свободны от всех этих двусмысленностей, и перед глазами германских народных масс товар предстал в зверском, неуклюжем образе господ Эберта и Шейдемана. Сейчас даже самый тупоумный человек не может не признать, что это — контрреволюция в ее подлинном живом облике.

Что же раскрывается нам как дальнейшая перспектива развития, после того как мы оставили за собой первую фазу революции? Само собой разумеется, дело идет не о пророчествах, а лишь о том, чтобы сделать логические выводы из всего пережитого и вывести заключение о вероятных путях предстоящего нам раз-

вития, дабы сообразовать с ними нашу тактику, свойственный нам метод борьбы. Товарищи, куда дальше ведет этот путь? Некоторый намек на это вы уже получили в последних заявлениях нового правительства Эберта—Шейдемана, — намек в чистом, неприкрашенном виде. В какую сторону может направиться путь так называемого социалистического правительства после того, как исчезли все иллюзии? Это правительство с каждым днем все больше и больше теряет опору среди широких масс и пролетариата; кроме мелкой буржуазии, его поддерживают только остатки, жалкие остатки пролетариев, да и то еще неизвестно, сколько времени они останутся еще верными Эберту и Шейдеману. Они все больше и больше будут терять опору в солдатских массах, ибо солдаты пустились на путь критики и начали одумываться, а этот процесс, хотя и идет сначала медленно, но не может остановиться, пока не приведет к полному социалистическому познанию. Они потеряли кредит у буржуазии, так как не выказали себя достаточно сильными. Куда же ведет их дальнейший путь? С комедией социалистической политики они разделяются очень быстро; если вы прочтете новую программу этих господ, то вы увидите, что они уже плывут на всех парусах ко второй фазе, к фазе неприкрытой контрреволюции, можно даже сказать — к фазе реставрации прежних, дореволюционных отношений. Какова программа нового правительства? Во-первых, выборы президента, который занимает промежуточное положение между английским королем и американским президентом и почти что может быть назван королем Эбертом; во-вторых, восстановление союзного совета. Вы уже, вероятно, сегодня прочли требования, самостоятельно выставленные южно-германскими правительствами, которые подчеркивают характер герман-

ской республики как союзного государства. Восстановление доброго старого союзного совета и, конечно, его придатка — германского рейхстага, — вопрос всего каких-нибудь нескольких недель. Товарищи, это значит, что Эберт — Шейдеман встают на путь простой реставрации отношений, существовавших до 9 ноября. Но благодаря этому сами они становятся на наклонную плоскость и закончат тем, что сломают себе шею и очутятся на дне пропасти. Ибо восстановление отношений, существовавших до 9 ноября, стало немыслимо уже 9 ноября, а в настоящее время эта возможность отдалилась в Германии на целые мили. Чтобы укрепить поддержку, оказываемую ему единственным классом, действительные классовые интересы которого оно представляет, — буржуазией, — а надо сказать, что в связи с последними событиями эта поддержка заметно ослабла, — правительство будет вынуждено вести все более и более насильственную контрреволюционную политику. В требованиях южно-германских государств, опубликованных сегодня берлинскими газетами, ясно выражается пожелание укрепить безопасность германского государства. На простом немецком языке это значит ввести осадное положение против «анархистских», «путчистских», «большевистских», следовательно, социалистических элементов. Общая обстановка заставит Эберта—Шейдемана ухватиться за диктатуру с осадным положением или без оно. А это значит, что ход современного развития, логика событий и тяготеющие над Эбертом — Шейдеманом силы приведут к гораздо более острым столкновениям, к гораздо более ожесточенной классовой борьбе, чем это было до сих пор; столкновения обострятся не только потому, что перечисленные мною политические моменты заставляют революцию бросить все иллюзии и схватиться с

контрреволюцией грудь с грудью, но и потому, что из глубин вздымается новый огонь, новое пламя, охватывающее все социальное целое. Я имею в виду экономические бои.

Товарищи, для обрисованного мною первого периода революции, можно даже сказать для периода до 24 декабря, очень характерно, что она — в этом мы должны отдать себе полный отчет — была еще исключительно политической революцией; в том и заключается то начальное, недостаточное, половинчатое и бессознательное, что отличает эту революцию. Эта была первая стадия переворота, главные задачи которого лежат в экономической области и сводятся к изменению хозяйственных отношений. Революция была наивна и бессознательна, как дитя, бредущее неведомо куда; как мы уже сказали, она имела чисто политический характер. Только за последние недели начали стихийно вспыхивать стачки. Этого пункта мы теперь и коснемся.

Вся сущность этой революции характеризуется тем, что стачки должны все более и более разрастаться и становиться центральным пунктом, главным делом революции. Это — экономическая революция, благодаря которой германская революция превращается в социалистическую революцию. Но борьба за социализм может вестись только массами, которые непосредственно, грудь с грудью, схватываются с капитализмом: в каждом предприятии каждый пролетарий выступает против своего хозяина. Только в таком случае наступит социалистическая революция.

Конечно, люди, ни о чем не думающие, представляли себе ход событий иначе. Полагали, что нужно только ниспровергнуть старое правительство, поставить во главе государства социалистическое правительство, а затем издать декреты, вводящие социализм. Это было

опять-таки не чем иным, как иллюзией. Социализм не делается и не может делаться путем декретов, как бы ни превосходно было социалистическое правительство. Социализм осуществляется массами и каждым пролетарием в отдельности. Цепь капитала нужно разбить именно в том пункте, где пролетарии к ней прикованы. Только это и есть социализм, только так и можно его осуществить.

А какова внешняя форма борьбы за социализм? Эта форма — стачка. Именно поэтому теперь, во второй период революции, экономическая фаза развития выступает на первый план. Я хотела бы здесь подчеркнуть то, что мы можем заявить с гордостью и чего никто не станет оспаривать: мы, члены Союза Спартака, коммунистическая партия Германии, являемся единственными людьми во всей Германии, которые стоят на стороне бастующих и борющихся рабочих. Вы читали и видели, как независимая партия во всех случаях относится к стачкам. В этом отношении не было совершенно никакой разницы между позицией «Форвертса» и позицией «Фрейхейта». И там и здесь говорили: вы должны быть прилежными, ибо социализм — это значит много работать. И это говорят тогда, когда власть находится еще в руках капитала! Такой тактикой не достигается социализм; он достигается только путем самой энергичной борьбы с капитализмом, требования которого защищаются всеми партиями, начиная с крайних левых и кончая независимыми и газетой «Фрейхейт», — всеми, за исключением только нашей коммунистической партии. Из всего сказанного следует, что в настоящий момент против стачек ведут неустанную и ожесточеннейшую борьбу все те, кто не стоит на нашей революционно-коммунистической позиции.

Из этого можно сделать вывод: в грядущую фазу революции стачки не только будут все более и более расширяться, но и будут стоять в центре революции, станут решающим ее пунктом, отстраняя на задний план чисто политические вопросы. Вы видите, что в области экономических конфликтов положение должно в огромной степени обостриться. Ибо, идя по этому пути, революция вступает в область, где буржуазия не допускает никаких шуток. Буржуазия может заниматься мистификациями в политической области, где еще возможен маскарад и где могут выступать под социалистическими этикетками люди вроде Эберта и Шейдемана, но она не может делать этого там, где ставится вопрос о прибыли. Здесь она поставит правительство Эберта—Шейдемана перед альтернативой: либо они должны покончить со стачками, грозящими удушить буржуазию, либо господа Эберт — Шейдеман должны выйти из игры. Я полагаю, что уже одни их политические мероприятия заставят их очень скоро выйти из игры. Для Эберта — Шейдемана особенно горестно то, что они встретили не очень много доверия со стороны буржуазии. Буржуазия начнет сомневаться, стоит ли облечь горностаевой мантией неуклюжую фигуру выскочки Эберта. Когда дело дойдет до этого, то в конце концов сделают вывод, что для горностаевой мантии требуется не только кровь на пальцах, но и благородная голубая кровь в жилах. А это будет значить: раз мы уже захотели короля, нам не нужен выскочка, который даже не умеет вести себя по-королевски...

Итак, товарищи, господа Эберт — Шейдеман способны расширению контрреволюционного движения. Они не справятся со вспыхивающим пламенем экономической классовой борьбы и не удовлетворят буржуазию своими мероприятиями. Они пойдут ко дну и

должны будут уступить место либо контрреволюции, сгруппировавшейся для отчаянной схватки вокруг господина Гренера или вокруг военной диктатуры Гинденбурга, либо каким-нибудь другим контрреволюционным силам.

Точно предвидеть события нельзя, ибо то, что должно наступить, не поддается ясным формулировкам. Но ведь нам важны не внешние формы, не тот момент, когда совершится то или другое. Нам достаточно нащупать общие направляющие линии дальнейшего развития, которые можно определить следующим образом: после первой фазы революции с преобладанием политической борьбы наступает фаза усиленной, обостренной экономической борьбы, в результате которой рано или поздно правительство Эберта — Шейдемана должно кануть в Лету.

Равным образом трудно предсказать, что станет с национальным собранием в эту вторую фазу развития. Возможно, что оно соберется и станет новой школой воспитания для рабочего класса, но не исключена и возможность, что вообще никакого национального собрания не будет. Ничего определенного в этом смысле заранее сказать нельзя. Чтобы вы поняли, с какой именно точки зрения мы защищали вчера нашу позицию, я хочу только заметить в скобках: мы протестовали лишь против того, чтобы при определении нашей тактики исходить из одной только альтернативы. Я не хочу опять начинать дискуссии и говорю это лишь для того, чтобы кто-либо из вас, недостаточно вслушавшись в наши речи, не пришел к выводу: ага, теперь они заговорили другим языком! Сегодня мы стоим совершенно на той же позиции, как и вчера. Нашу тактику по отношению к национальному собранию мы не хотим ставить в зависимость от той возможности, которая

может наступить, но которая не неизбежно должна наступить, а именно — от той возможности, что национальное собрание испарится в пространство; устанавливая нашу тактику, мы хотим учесть все возможности, в том числе и революционное использование национального собрания, буде оно соберется. Соберется оно или не соберется — это не имеет значения, ибо во всех случаях революция может только выиграть.

Что же в таком случае останется делать обанкротившемуся правительству Эберта — Шейдемана или какому-либо другому так называемому социал-демократическому правительству, которое будет тогда стоять у руля? Я уже сказала, что масса пролетариата выскользнула из их рук, а солдатами тоже нельзя уже более пользоваться как пушечным мясом для контрреволюционных выступлений. Что же останется делать этим бедным людишкам, чтобы спасти свое положение? У них есть еще один шанс, и если вы, товарищи, читали сегодняшние газетные известия, то вы знаете, где находятся те последние резервы, которые двинет против нас германская контрреволюция, когда дело дойдет до последней схватки. Все вы читали, что в Риге германские отряды, совместно с англичанами, уже выступили против русских большевиков. Товарищи, у меня есть в руках документы, освещающие нам то, что происходит сейчас в Риге. Вся эта затея исходит от высшего командования 8-й армии, которое действует рука об руку с господином Августом Виннигом, германским социал-демократом и профсоюзным вождем. Эпизод этот все время представлялся в таком свете, что бедные Эберт — Шейдеман являются-де жертвами Антанты. Но уже в течение многих недель, с самого начала революции, тактика «Форвертса» сводилась к тому, чтобы, упорно доказывая, что Антанта искренне желает уду-

шения русской революции, привить эту мысль самой Антанте. На основании документов мы установили здесь, каким образом проводилась эта кампания за счет русского пролетариата и германской революции. В телеграмме от 26 декабря полковник Бюркнер, начальник генерального штаба 8-й армии, сообщает о тех переговорах, которые велись в Риге и привели к упомянутому соглашению. Телеграмма эта гласит: «23 декабря состоялось собеседование между германским уполномоченным Виннигом и представителем английского правительства, бывшим рижским генеральным консулом Монзанкетом, на борту английского военного судна «Принцесса Маргарита»; участвовать в этом собеседовании был приглашен также и верховный начальник германского командования или его заместитель. Было решено отправить меня. Цель собеседования: выполнение условий перемирия. Ход собеседования: англичане—находящиеся здесь военные корабли—должны наблюдать за выполнением условий. На основании условий перемирия выставляются следующие требования:

1. В Рижском округе немцы должны держать достаточную военную силу, чтобы держать большевиков в руках и не позволить им проникнуть дальше занимаемых ими ныне позиций».

Далее:

«...3. Содержание диспозиций для германских и латвийских отрядов, сражающихся против большевиков, должно быть послано офицеру английского военного штаба для сообщения старшему начальнику флота. Все будущие диспозиции относительно отрядов, предназначенных для борьбы против большевиков, должны сообщаться через посредство того же офицера.

4. Достаточная военная сила, способная воспрепятствовать взятию поименованных ниже пунктов большевиками или продвижению большевиков на линию сообщения между этими пунктами, должна содержаться в следующих местах: Валке, Вольмаре, Вендене, Фридрихштадте, Пинске, Митаве.

5. Дорога от Риги до Либавы должна быть обеспечена от большевистских нападений, и все английские обозы и почта, передвигающиеся по этому пути, должны пользоваться преимущественным вниманием».

Затем следует ряд дальнейших требований. Теперь приведем ответ уполномоченного германского рейхстага Виннига:

«Хотя и представляется необычным заставлять правительство оккупировать чужое государство, но в данном случае это вполне совпадает с нашими собственными желаниями,—заметьте, это говорит г. Винниг, германский профсоюзный вождь,—ибо необходимо охранять немецкую кровь (другими словами — балтийских баронов), да и, кроме того, мы считаем себя нравственно обязанными помогать стране, которую мы освободили от ее прежней государственной принадлежности. Но наши стремления затрудняются, во-первых, состоянием отрядов, которые под влиянием перемирия не желают более сражаться, а хотят отправиться на родину, и которые, кроме того, состоят из людей старого возраста, ставших на войне инвалидами; во-вторых, позицией местных правительств,—здесь имеются в виду латвийские правительства, которые изображают немцев как своих поработителей. Мы были бы готовы создать добровольные, подготовленные к борьбе союзы, что отчасти уже и удалось».

Здесь совершается контрреволюция. Некоторое время тому назад вы читали об образовании железной ди-

визии, которая была создана специально для борьбы с большевиками в прибалтийских областях. До сих пор было неясно, как относилось к этому правительство Эберта — Шейдемана. Теперь вы знаете, что это правительство само сделало предложение в этом смысле.

Товарищи, я хочу сделать еще одно небольшое замечание насчет Виннига. Мы можем спокойно сказать, что германские профсоюзные вожди — ведь не случайно же, что подобного рода политические услуги оказывает именно профсоюзный вождь, — что германские профсоюзные вожди и германские социал-демократы — самые бессовестные, продувные негодяи, каких только видел мир. Знаете ли вы, куда нужно было бы отправить всех этих людей — Виннига, Эберта, Шейдемана? Согласно германскому уголовному кодексу, который они сами признают действующим и на основании которого они заставляют творить правосудие, этих людей надо было бы отправить в каторжную тюрьму. Ибо, согласно германскому уголовному кодексу, человек, осмеливающийся вербовать германских солдат на заграничную военную службу, подлежит заключению в каторжную тюрьму. Теперь мы можем спокойно сказать, что во главе «социалистического правительства» стоят не только Иуды социалистического движения и пролетарской революции, но и каторжники, которым вообще не место в приличном обществе...

Несомненно, все эти махинации — образование железных дивизий и в особенности упомянутое выше соглашение с английским империализмом — обозначают, что пущены в ход последние резервы для удушения германского социалистического движения. С этим теснейшим образом связан и главный вопрос, вопрос о мире. Эти соглашения являются не чем иным, как новым раздуванием войны. В то самое время, когда эти него-

дяи разыгрывают в Германии комедию и уверяют, что они выбиваются из сил, чтобы заключить мир, а мы мешаем делу мира, возбуждаем недовольство Антанты и оттягиваем заключение мира, — в это самое время они собственными руками готовят на Востоке возобновление войны, вслед за которой должна последовать война в самой Германии. Таким образом, и в этой области создается ситуация, приводящая нас к периоду обостренных столкновений. Одновременно с защитой социализма и интересов революции нам придется защищать и интересы всеобщего мира. Это опять-таки подтверждает тактику, которую мы, спартаковцы, отстаивали при каждом удобном случае на протяжении всей четырехлетней войны, как единственно возможную. Мир обозначает мировую революцию пролетариата! Для установления и обеспечения мира не существует никакого иного пути, кроме победы социалистического пролетариата.

Какую же, товарищи, общую тактическую линию подсказывает ситуация, складывающаяся для нас в ближайшее время? Первое, что она вам подскажет, — это, конечно, надежду, что правительство Эберта — Шейдемана падет и уступит свое место настоящему социалистическому, пролетарскому, революционному правительству. Но я хотела бы направить ваше внимание не на кульминационный пункт, не вверх, а вниз. Мы не должны сохранять и повторять иллюзию первой фазы ноябрьской революции, — иллюзию, будто для совершения социалистической революции достаточно ниспровергнуть капиталистическое правительство и заменить его другим. Пролетарскую революцию можно привести к победе лишь в том случае, если мы начнем подбивать правительство Эберта — Шейдемана посредством неустанной социально-революционной массовой

борьбы пролетариата. В связи с этим я хотела бы напомнить вам о некоторых недостатках германской революции, которые остались неустраненными по окончании первой ее фазы и которые ясно показывают, что мы, к сожалению, не настолько далеко подвинулись вперед, чтобы обеспечить социализму победу путем ниспровержения существующего правительства. Я старалась выяснить вам, что революция 9 ноября была прежде всего политической революцией, между тем как по своей сущности она должна стать, главным образом, экономической революцией. Кроме того, она была только городекой революцией и до сего дня почти не коснулась деревни. Было бы пустой мечтой стремиться к проведению социализма, не касаясь сельского хозяйства. С точки зрения социалистического хозяйства промышленность вообще нельзя преобразовать, не поставив ее в непосредственную связь с социалистическим преобразованием сельского хозяйства. Важнейшая идея социалистического хозяйственного строя — это устранение противоречий, разрыва между городом и деревней. Этот разрыв, это противоречие, эта противоположность — явление чисто капиталистического порядка, которое должно быть немедленно устранено, как только мы станем на почву социализма. Если мы говорим всерьез о социалистическом преобразовании, то мы должны направить наше внимание не только на промышленные центры, но и на деревню, а здесь мы, к сожалению, даже и не начинали работать. К этому вопросу нужно отнестись теперь чрезвычайно серьезно не только потому, что без сельского хозяйства мы не можем провести социализацию, но и потому, что, перечисляя сейчас последние резервы контрреволюции, направленные против нас и наших стремлений, мы не учли еще один важный ее резерв —

крестьянство. Именно потому, что оно осталось до сих пор незатронутым революцией, — он еще может служить резервом для контрреволюционной буржуазии. Когда пламя социалистической стачки начнет жечь их пятки, первое, к чему прибегнут буржуа, — это мобилизация крестьянства, самого фанатического приверженца частной собственности. Против этой грозящей нам контрреволюционной силы не существует других средств, кроме перенесения классовой борьбы в деревню, мобилизации безземельного пролетариата и мелкого крестьянства против крупного крестьянства.

Из всего этого выясняется, что мы должны делать для создания предпосылок, обеспечивающих успех революции. Наши ближайшие задачи я могла бы резюмировать таким образом: в будущем мы должны прежде всего во всех направлениях насаждать систему рабочих и солдатских советов, главным образом, систему рабочих советов. То, что мы захватили в свои руки 9 ноября, это — только слабое начало. В первую фазу революции мы даже утратили многие средства воздействия. Вы знаете, что контрреволюция неустанно стремилась подорвать систему рабочих и солдатских советов. В Гессене контрреволюционное правительство совсем распустило рабочие и солдатские советы, в других местах у них вырвана из рук власть. Поэтому мы не только должны развивать систему рабочих и солдатских советов, но и вводить ее среди сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Мы должны захватить власть, и вопрос о ее захвате свести к вопросу: что делает, может и должен делать каждый рабочий и солдатский совет во всей Германии? Именно в них и должна сосредоточиваться власть. Мы должны подкапывать буржуазное государство снизу, не разделять, а повсюду объединять государственную власть, законо-

дательство и администрацию и передавать все эти функции рабочим и солдатским советам.

Товарищи, это — огромное поле, и нам предстоит его распахать. Мы должны вести подготовительную работу, продвигаясь снизу вверх и обеспечивая рабочим и солдатским советам такую власть, чтобы падение правительства Эберта — Шейдемана или какого-либо иного, ему подобного, явилось только заключительным актом. Завоевание власти должно поэтому совершиться не сразу, а совершаться непрерывно: мы будем вламываться в буржуазное государство, пока мы не закрепим за собою все позиции, которые мы и будем защищать зубами и ногтями. По моему мнению и мнению моих ближайших партийных друзей, даже и экономическая борьба должна вестись рабочими советами. Руководить экономической борьбой и выводить ее на все более и более широкую дорогу также должны рабочие советы. Рабочим советам должна принадлежать вся власть в государстве. В этом направлении мы должны работать в ближайшее время. Раз мы ставим себе такую задачу, ясно, что в ближайшее время нам придется считаться с колоссальным обострением борьбы. Ибо нам придется бороться шаг за шагом, схватываться грудью с грудью в каждом государстве, в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине, дабы передать рабочим и солдатским советам все средства государственного воздействия, которые необходимо вырывать у буржуазии одно за другим. Но к этому мы сначала должны подготовить наших партийных товарищей и пролетариев. Даже там, где существуют рабочие и солдатские советы, они еще не вполне сознают, к чему они призваны.

Мы должны сначала научить массы, что рабочий и солдатский совет должен стать рычагом государственного механизма и действовать по всем направлениям,

что он должен взять все функции власти в свои руки и направить их все по фарватеру социалистического переворота. Даже те рабочие массы, которые уже организованы в рабочие и солдатские советы, чрезвычайно еще далеки от такого понимания, за исключением, конечно, незначительного меньшинства пролетариев, ясно сознающего свои задачи. Но это не недостаток, это вполне нормальное явление. Масса должна научиться властвовать в процессе осуществления своей власти. Это умение ей нельзя дать никаким другим способом. К счастью, миновало уже то время, когда нашей задачей было только социалистическое воспитание пролетариата. Для марксистов каутскианской школы времена эти, повидимому, продолжают и по сей день. Социалистически воспитывать пролетарские массы — это значит читать им доклады, распространять листовки и брошюры. Но социалистическая пролетарская школа не нуждается во всем этом. Пролетарии воспитываются, поскольку они переходят к действиям.

Здесь следует вспомнить слова: «В начале было действие». А действие должно заключаться в том, что рабочие и солдатские советы стремятся и учатся стать единственной властью во всей республике. Только таким образом мы и можем до такой степени подкопать почву, чтобы она созрела для переворота, завершающего нашу работу... В силу исторических условий наша задача не так легка, как в буржуазных революциях, когда достаточно было ниспровергнуть центральную официальную власть и заменить ее парой или парой дюжин новых людей. Мы должны вести работу снизу вверх; это вполне соответствует массовому характеру нашей революции, которая преследует цели, затрагивающие все основы современного общественного порядка.

Вполне соответствует также характеру современной пролетарской революции и то, что мы должны захватывать политическую власть не сверху, а снизу. 9 ноября была совершена попытка поколебать государственную власть, классовое господство, — слабая, половинчатая, неосознанная, хаотическая попытка. Теперь необходимо с полным сознанием направить все силы пролетариата против главных цитаделей капиталистического общества. Внизу, где отдельный предприниматель противостоит своим наемным рабам и где все исполнительные органы политического классового господства противостоят объектам этого господства, массам, — вот где должны мы шаг за шагом вырывать у господствующих классов их средства насилия и захватывать их в свои руки. Когда я изображаю дело таким образом, то процесс революции представляется, быть может, несколько более скучным, чем мы склонны были думать в первые моменты. Но я полагаю, что для нас полезно с полной ясностью нарисовать себе все трудности и осложнения этой революции. Ибо я надеюсь, что изображение великих трудностей и нагромождающихся перед нами задач ни у меня, ни у вас не приведет к ослаблению усердия и энергии. Наоборот, чем более велика стоящая перед нами задача, тем настойчивее будем мы собирать все наши силы. Не забудем, что революция умеет творить свое дело с необыкновенной быстротой. Я не берусь предрекать, сколько времени потребуется для этого процесса. Кто же будет думать о себе и огорчаться его длительностью, раз только нашей жизни хватит на то, чтобы довести его до конца! Нам нужно только ясно и точно знать, что следует делать. А что следует делать, — это, как я надеюсь, я в основных чертах изложила вам в меру моих слабых сил.

Цена 75 коп.

П-943

Люксембург.
Речи.
92-3687/2

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕЖСОЮЗНЫЙ КНИГООБМЕН	
ПРОВЕРКА	ОЦЕНКА 30/2

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Центр, Кузнецкий Мост, 7.
ЛЕНИНГРАД, Проспект Володарского, 53-а.